

63.3(2р-4Тул)4

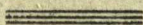
р-83

10кр

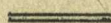
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Профессор А. П. РУДАКОВ.

ОЧЕРКИ
ИЗ ИСТОРИИ ТУЛЫ
И
ТУЛЬСКОГО КРАЯ.

Издание журнала „Новый Путь“.

553/92

ТУЛА.—1923.

9(С132) 63,3(2Р-4ТУЛ/4)
P83

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Профессор А. П. РУДАКОВ.

ОЧЕРКИ

из истории Тулы и Туль-
ского края.

~~Ставропольская
краевая
библиотека~~

~~СТАВРОПОЛЬСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ
УЧЕБНО-НАУЧНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО~~

Издание журнала „НОВЫЙ ПУТЬ“.

ТУЛА. — 1923 г.

Тульская областная
библиотека
им. В. И. Ленина

38265
91/47-321/10
От 28-27
27-27

УК
2

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые „очерки“ есть первая попытка связно и научно обозреть экономическое и общественное развитие Тульской губернии, имея в виду потребность масс в ознакомлении с местной историей.

Очерки захватывают весь исторический процесс, имевший место в пределах Тульской области, начиная с доисторической культуры финских поселений и кончая приблизительно 60-ми годами XIX века. Изложение Тульской истории доведено таким образом до эпохи окончательного торжества промышленного капитализма над торговым, т. е. до падения крепостного права и перехода промышленности к свободному труду. В Туле это произошло в 1865 году, когда Тульские оружейники получили „свободу“, т. е. были вписаны в мещанское сословие и стали работать на Оружейном заводе в качестве вольнонаемных рабочих.

К сожалению, интереснейшая история крестьянской и оружейнической эмансипации не могла войти в этот очерк, равно как и история последующего экономического развития Тульского края. Ее данные еще покоятся в уцелевших Тульских архивах в хаотическом состоянии, и нужен огромный труд, чтобы использовать этот материал для популярного очерка.

В ожидании, что более спокойные условия жизни позволят теперь заняться разработкой архивов Оружейного завода и бывш. Губернского Правления и Казенной Палаты и создать на основании их представление о пяти последних десятилетиях в истории Тульского края, я решаюсь представить вниманию читателя очерк, составленный на основе ознакомления с монографиями, статьями и заметками когда-либо касавшимися Тулы и Тульского края. Основными пособиями моими являлись:

- Арсеньев, Ю. В.** Дедилов и его уезд в военном отношении.
- Афремов, Ив.** Историческое обозрение Тульской губернии. 1850.
- Белоцерковский, Г. М.** Тула и Тульский уезд в XVI и XVII в. в. 1915.
- Гамель, И.** Описание Тульского Оружейного завода. 1826.
- Зыбин, С. А.** История Тульского Оружейного завода. 1912.
- Иванов, А. и Троицкий, Н.** Материалы для историко-статистич. описания Тульской епархии. 1884.
- Малицкий, П. И.** Приходы и церкви Тульской епархии. 1895.
- Платонов, С. Ф.** Очерки по истории смуты.
- Руданов, А. П.** Тульский Кремль. 1916.
- Сахаров, П. П.** История общественного образования в Тульской губернии. 1832.
- Троицкий, Н. И.** Березовское городище и древний город Волконск. 1904. Берега Непрядвы в историко-археологическом отношении 1887. Городище при с. Поречье, Одовского у. 1898.
- Троицкий, Н. И. и Арсеньев.** Материалы для историко-статистического описания Тульской губ. I Храмы г. Тулы 1888. „Труды Тульской Губ. Архивн. Учен. Комиссии“ I и II.
- Шамурины.** Калуга, Тверь, Тула, Торжок.
- Штурм, В. Н.** Тульские засеки, 1909. „Тула, материалы для истории города XVI—XVII ст.“ 1884. „Шнецовые книги XVI века“ изд. Калочева Н.
- Щепкина.** Тульский уезд в XVII в. 1892.
- Яковлев А.** Засечная черта Московского государства в XVII в.
- Обстоятельнейшую библиографию по Тульскому краю дает литографированное издание Тульского Губполитпросвета; **Нарциссов, П.** „Указатель литературы по истории культуры Тульского края“. 1922.

Профессор *А. Рудakov.*

Очерки из истории Тулы и Тульского края.

I.

Заселение Тульского края человеком произошло немедленно вслед за отступлением на север великого ледника. Находки костей дилювиальных животных: мамонта, волосатого носорога, северного оленя и др., имевшие место в пределах Тульской губернии, нередко сопровождалась находками кремневых орудий и глиняной посуды древне-каменного века. Однако антропологические и этнографические особенности этих древнейших обитателей края остаются совершенно невыясненными: вопрос может быть решен только в общем масштабе с остальной средне-русской, а м. б. и всей средне европейской областью. Нам известен только позднейший слой населения речной области Оки и верхней Волги, именно финские племена, наличие которых в пределах Тульской губернии засвидетельствовано несомненными этнографическими, лингвистическими и археологическими данными. Общеизвестно, что финны оставили следы своего обитания в Тульской и соседней с нею губерниях, в виде названий местностей и рек (кажется, что все названия речек на *ма, ша, ва* и *га*—финнского происхождения). Вероятно, к финнам же следует возвести и то почитание камней-валунов, которое, в виде различных поверий довольно прочно держалось до самого последнего времени. „Конь-камни“ и „свинья-камни“ имеются в с. Козье (Ефремовского у.), с. Малиновое (Новосильского у.), с. Дупны (Чернского у.), с.с. Богучарово и Малахово (Тульского у.), с. Башево (Одоевского у.), с. Михайловское (Епифанского у.) и др. С ними связаны всевозможные легенды, восходящие к эпохе первобытного анимизма; им приносились еще недавно „жертвы“ шерстью, мясом, молоком, деньгами, а иные сельские „батюшки“ не стеснялись порой отслужить молебны каким нибудь „Башу и Башихе“ (татарские названия двух камней в с. Башево, означающие „хозяйна“ и „хозяйку“).

На долю финских обитателей Тульского края, вероятно, следует отнести и часть погребальных курганов, разбросанных по всем двенадцати уездам. Очень возможно, что обстоятельное археологическое обследование этих мест погребений дало бы ценнейшие результаты относительно взаимоотношений финской и литовской культур (восточная граница лито-балтийских народов проходила как раз в пределах Тульской губернии). Во всяком случае, лингвистические данные позволяют установить несомненное влияние более высокой литовской культуры не только на финские, но даже и на славянские племена.

Финны, жившие в пределах Тульского края, едва ли далеко ушли от быта эпохи родового коммунизма. Их хозяйство немногим отличалось от собирательно-присваивающего. Единственными путями сообщения в диком лесу, покрывавшем северную часть губернии, были многочисленные речки—притоки верхней и средней Оки. По ним селились и при устьях их строили свои городища финские роды, промышлявшие звероловством, рыбной ловлей и бортничеством. Земледелия, даже первобытного, финны не знали, и это делало невозможным образование сколько-нибудь значительного сосредоточения населения. Городища следует представлять себе как большие дворы, где могли жить самое большее десяток—два человек; принимая же во внимание крайнюю разбросанность этих городищ, мы поймем, что финны не могли создать никакой сколько-нибудь прочной общественной организации. Самой внушительной общественной единицей являлся род, в котором еще с трудом намечалось выделение организаторских функций родоначальника или колдуна-шамана. Все это вместе взятое и позволяет уяснить, почему финны так легко были отодвинуты славянской колонизацией на восток и север.

Эта последняя происходила, вероятно, в VII—VIII в.в. нашей эры, при чем очень возможно, что самые восточные из русских славян—именно вятичи—заселили Тульскую область (а равно и соседние—Калужскую и Орловскую губ.) не раньше IX века. Вятичи заняли так. образ. верховья Оки и ее притоки. Жившие собиравательско-присваивающим хозяйством, финны были оттеснены славянами с их более высокой земледельческой культурой и развитой авторитетно-патриархальной общественной организацией. Впрочем, часть финнов слилась с пришельцами, повлияв на выработку общезвестного средне-русского типа и передав славянам часть своих религиозных верований.

Вятичам достался самый глухой и заброшенный угол русско-славянского мира. Единственными путями сообщения оставались реки и, подобно финнам, по ним ставили вятичи свои дворы-городища (м. б. только более значительных размеров). Подсечное земледелие кормило с трудом; обработка земли под пашню (с применением сохи, в которой так легко узнается кривой сук мотыжного земледелия) требовало коллективных усилий большой семьи, жившей общим двором; родовой быт с его примитивными чертами культуры поэтому особенно устойчиво держался у вятичей. Известное место начальной летописи отмечает „звериный“ быт вятичей (с умыканием невест, трупосожиганием, курганами и тризнами) даже в начале XII века. Недаром Владимир Мономах (в том же веке) хвалится, что он однажды сумел пробраться из Киева в Ростов „сквозь Вятичи“. Самый путь колонизации Муромо-Рязанской земли, в XI столетии, обходил Тульскую область, огибая ее к северу по Оке с притоками.

У вятичей дольше всего сохранились родовые князья (вернее,—организаторы общинного труда) и племенное вече, собиравшееся время от времени при центральном поселке племени—„Дедославле“ (нынешнее с. Дедилово Богородицкого у.) Главную силой хозяйственного и общественного развития авторитетно-родового быта вятичей явилось вовлечение Тульской области в круг сначала поволжской, а потом днепровской торговли и военно-торговой эксплуатации.

Еще в половине IX века вятичи были покорены хозарами, установившими среди них „дань“ „по шлягу („деньге“) с сохи“. Покорение вызывалось определенными торговыми интересами. Как раз около этого времени арабские купцы стали проникать сюда со своими товарами и деньгами, плавая по Каспийскому морю, Волге и Оке. Клады с арабскими диргемами IX века нередки в речной области Оки; к ним относится и тот клад в несколько сотен серебряных монет, который был найден в Одоевском у. и ныне хранится в Тульском Худож.-Историческом Музее.

Таким образом, вятичи были втянуты в круг восточной торговли, и это, разумеется, не могло не отразиться на социальной дифференциации прежних родовых организаций. Родовые старейшины и племенные князья становятся деятельными участниками торговли: „прибавочный продукт“ рода, извлекаемый ими в свою пользу, находит применение в качестве товара и содействует обогащению родовой аристократии. Прежняя патриархальная община становится ранне-феодальной деревней.

В X веке Тульская область от хазар отходит к Киевскому княжеству (при Святославе). „Дань“ и „оброки“ возрастают, в связи с ростом военно-торговой эксплуатации вятичей Киевским князем, стоявшим во главе Днепровской торговли, и усиление эксплуатации вызывает восстание племени. Князю Владимиру приходится вновь подчинять землю вятичей и строить ряд городков—„острогов“, предназначенных быть опорными пунктами Киевских дружинников и складами вятической „дани“. Военно-торговая оккупация края возрастает в XI веке, когда вятическая область становится отдаленной частью черниговского княжества и дробится на удельно-феодальные владения. Отлив населения из Киевской Руси на северо-восток способствует заселению края. Первобытный лес вырубается и выкорчевывается под пашни; растут дворы „смердов“, умножается и число феодально-княжеских усадеб-городищ. В XII веке в вятической земле летопись упоминает „города“ Тулу, Мценск, Лопастну, Спаши (ныне с. Павшино) и уже названный выше Дедославль. В первой четверти XIII столетия христианство—религия высшего княжеско-городского общества—проникает,— правда, с трудом,— в толщу

деревенского населения Тульской области („мученичество св. Кукши“—монаха-миссионера, выходца из Киево-Печерской Лавры).

Эта тесная связь вятической земли с днепровским торговым и государственным целым обрывается со второй половины XIII века. Южная Русь переживает глубокий экономический и культурный кризис, и татарская держава опирается гл. образом на удельно-феодальную северо-восточную Русь. Тульская область понемногу вовлекается в торговые связи центрального междуречья и начинает тяготеть к Рязани. Удельные „княжества“ группируются около городков Новосила, Одоева, Белева, Волконска, (Одоевский у.) и Гремячево (Веневский у.) и дают начало княжеским фамилиям Одоевских, Волконских, Новосильских и др., игравших такую видную роль в эпоху разложения Московского феодализма.

Быт Тульской области XIV—XV в.в. мало чем отличался от быта остальной Руси феодальной эпохи. Та же княжеская усадьба—„город“, окруженная „деревнями“ и „починками“ крестьян, еще имевших возможность и право свободно переходить с одного места на другое; те же натуральные поборы с них, идущие на содержание „двора“ и слуг князя; та же смесь вотчинно—имущественных и государственных прав в области суда и управления. К внешним событиям в жизни Тульского края за указанное время относятся постоянные татарские, а потом литовские набеги и погромы. Из числа первых летопись отмечает нашествия 1348, 1382, 1395 и 1472 г.г. Знаменитая Куликовская битва произошла как раз в юго-восточной части Тульской губернии, на обычном татарском пути на Москву, в верховьях Непрядвы и Дона.

Вечная татарская опасность умножала число земляных городищ и укрепленных валов, за которыми старалось отселиться окрестное население во время набега, и увеличивало значение старинных городов Тульского края. Тула упоминаемая летописью впервые под 1147 годом, становилась военным и торговым центром области. Теперь все более выясняется какую важную роль в торговом обороте XIV—XV в.в., играл Рязанский хлеб, и нет, конечно, невозможного в допущении, что Тула, лежавшая на судоходной Упе, могла принимать участие в снабжении Москвы и Новгорода хлебом. Уже в конце XV века она далеко переросла свои древнейшие размеры, из городища, занимавшего западную половину острова, около устья р. Тулицы, она разрослась в городок, лежавший вдоль южного берега Упы и, судя по размерам деревянного острога начала XVI века, включала не менее полуторы—двух тысяч жителей.

Окончательное отвоевание Тульских уделов у Литвы Москвой открыло новую эру в истории Тулы. Московское государство, вступая на путь торгового капитализма, организовало на широкую ногу борьбу со степью и закрепление за собою столь важной южной окраины. Тула лежала как раз в центре степной границы Московского царства, и создание пограничной зоны, заселенной военно-служилым людом, открылось укреплением этого города. По словам Воскресенской летописи, в 1509 году, в самый разгар смоленских походов, Василий III приказал „поставить город на Туле деревянен“, а „на пятое лето (т. е. в 1514 г. поставиша град камен“. Спустя шесть лет, под 1521 годом той же летописи, читаем снова: „того же лета свершиша город на Туле камен“. Таким образом, в какие-нибудь двенадцать лет в Туле одна за другой выросли две крепости: первая—деревянная (точнее дубовая) охватывала весь тогдашний город, другая—каменная, т. е. уцелевший доныне Кремль, находилась внутри этого дубового „острога“ и являлась его цитаделью. Несмотря на всю трудность восстановить (за отсутствием надлежащих археологических данных при руководстве только письменными свидетельствами) черту Тульского острога, все же можно видеть, что дубовый сруб его имел вид вытянутого полукруга, начинаясь у Чугунного моста, шел по нынешней Советской улице почти до Николозавальской церкви, откуда поворачивал к реке и тянулся вдоль ее берега до вышеназванного моста. Общая длина стены составляла почти полторы версты; на протяжении ее было расположено 16 башен, 7 проезжих ворот и 6 „пролазов“ для пешеходов. Главные из ворот острога вели на старинные торговые дороги в Дедилов, Крапивну и Павшино, по которым обычно тянулись на городской рынок крестьянские возы и по которым передвигались Московские вооруженные отряды, отправлявшиеся на юг для отражения татарских наездов.

Подробнейшее описание Тульской деревянной крепости сохранилось на столбцах Разрядного Приказа. Так из описи 1629 года видно, что „наряд“, вооружение башен и ворот Тульского острога состоял из 23 „пищалей“ и „тюфяков“ (пушек и картечных) с четырьмястами ядер, а число жителей посада приписанных к охране стен, не превышало тысячи человек.

Эти цифры и характеризуют размер города, призванного стать центром оборонительной линии. Изучая размеры и конструкцию Тульского Кремля, мы переходим к таким же скромным результатам. Стороны этой крепости, представляющей почти правильный прямоугольник соответственно равны 130 и 90 сажням, следовательно, периметр только немногим разнится от версты. Эта верстовая стена имеет девять башен (из которых четыре с воротами); общее число бойниц (в зубцах и внизу стен, а также в башнях) не превосходит трех с половиной сотен. Таково, следовательно, максимальное количество гарнизона, могущего защищать Кремль с огнестрельным оружием в руках. И, действительно, городская роспись 1629 года, насчитывает всего 185 человек, из которых 90, вооруженные наповину ружьями, наполовину рогатинами, должны были находиться на стенах, а 95 человек, в том числе 30 пушкарей и 65 стрельцов, располагались в трех этажах башен. Правда, цифры взяты из эпохи, когда Кремль начинал утрачивать боевое значение и когда вообще численность городского населения (после смуты) сократилась вдвое, но даже и для XVI века, и при предположении резервного гарнизона, мы все же едва-ли ошибемся значительно, допустив 500 человек как высший максимум. Это число, в соединении с численностью гарнизона деревянного острога даст нам полторы тысячи человек военного населения Тулы в XVI веке и делает возможным допущение, что город к концу этого столетия заключал не менее 3000—4000 жителей.

Главное значение Тульских крепостей заключалось в их центральном положении, почти посредине южной укрепленной границы Московского государства, знаменитой „засечной черты“, представлявшей, вероятно, одно из грандиознейших сооружений военной техники до XIX—XX столетий. Засечная черта совпадала с границей леса и степи в пределах Тульской губернии и представляла, собственно говоря, южную укрепленную опушку дремучего леса, тянувшегося с юга Калужской до севера Рязанской губерний. В пределах Тульского края, она начиналась в Веневском уезде засеками Поческой и Оленковской (по северному берегу реки Осетра), шла через Тульский уезд засеками Кортосеневской и Щегловской с северо-востока от Тулы и засекой Малиновой к юго-западу от города, тянулась по северному берегу Упы засеками Снецкой и Полошевской и затем переходила в Семеновскую засеку Лихвинского уезда, Калужской губернии.

Общее протяжение засечной черты в пределах Тульской губернии равнялось почти 200 верстам. Местами, рядом с основной чертой или под углом к ней шли другие второстепенные засеки. Так от Венева до Тулы тянулись (к югу от Щегловской) Корницкая засека; Венев соединялся с Кортосеневской засекой Веркушинской; от Крапивны к Белеву (несколько южнее обоих городов) шла засека Федяшевская.

Помимо естественных преград (лес, болото, река, озеро, овраг) укреплениями засечной черты являлись лесные завалы,—ряды полусрубленных „засеченных“ деревьев (откуда и самое название „засека“),—далее к укреплениям относились: валы, рвы, частоколы, надолобы (врытые в землю шахматобразно ряды столбов), вбитые в дно рек кольца (на переправах) и т. п. В самых опасных местах, а равно и около проездов,—„ворот“—сооружались деревянные „остроги“ и земляные bastions с подъемными местами и башнями, имевшие артиллерию и небольшие гарнизоны. Из таких ворот были особенно известны: Малиновые на Киевском шоссе в 9 верстах от Тулы, там где начиналась Малиновая засека, и Щегловские к северу от Тулы, где соответственная засека упиралась в речку Тулицу.

Против тех мест засечной черты, где лес прерывался, Московские фортификаторы старались или построить вновь, или укреплять старые, уже существовавшие здесь города. Таким образом, в XVI веке возникли Венев, Епифань и Крапивна с их дубовыми крепостями и гарнизонами.

Самый лес в пределах засечной черты считался заповедным и всячески убега-лся от порубок. Ширина лесов была весьма различной: от пяти до пятиде-

сяти верст, и уже сам по себе он являлся достаточно хорошим убежищем для окрестного населения и его скота на случай татарского набега. Потребность в обороне вызывала сама жизнь, она же и указывала естественный способ обороны. Рост засечной черты и заселение ее военно-служилыми людьми (всякого рода „засечными сторожами“, „засечными головами“ и „приказчиками“) станут особенно понятны если припомнить, что редкое десятилетие XVI века обходилось без одного или нескольких опустошительных набегов татарской конницы, охотившейся за живым товаром и поставлявшей русских рабов на азиатские и африканские рынки. Летопись отмечает набеги в 1517, 1521, 1530, 1541, 1552, 1555, 1558, 1559, 1571, 1572, 1591 и 1592 годах, при чем, конечно, в виду имеются только более или менее крупные нападения; мелкие же наезды то там, то здесь вероятно происходили каждое лето.

С татарскими набегами связаны и особенно памятны военные эпизоды в истории Тульского края XVI века: победа над татарами на речке Беспутье (в Крапивенском у.) в 1517 г.; неудачный штурм Тулы ханом Девлет-Гиреем 22—23 июня 1552 года; поражение татарского войска на Шиворони (Богородицкого у.) в том же 1552 году и разгром русских ополчений при Судьбищах (Новос. у.) в 1555 г.

Изучая летописные известия о татарских погромах, приходится отметить, что большая часть их обрушивалась на восточные уезды губернии. Писцовая книга конца XVI века изображает Каширский и Епифанский уезды как „дикое поле“, определенно связывая их заустение с набегами Девлет-Гирея в 1571—2 гг. Засечная черта на востоке особенно близко подходила к Оке и слабее всего защищалась лесом. Недаром авангард Московского войска стоял в Коломне, постоянно готовый двинуться против правого фланга татар; этим же объясняется вышеупомянутое построение Венева и Епифани.

Другой обычной дорогой татарских наездов является так называемый „Муравский шлях“ (шлях значит—дорога, путь), или просто „Муравка“. Она вела через Новосильский, Чернский и Крапивенский уезды на самую Тулу, где татары могли обойти город с востока и пробиться Щегловскими воротами. Приходилось поэтому, помимо укрепления самой Тулы, позаботиться о создании других крепостей. С этой целью в 1553 году строится дубовый острог в древнем городке Дедилове, который сам превращается теперь в сборный пункт сторожевой рати. Возрастает и значение других старинных городов лежавших перед засечной чертой: Крапивны, Белева, Одоева. Еще далее на юг оборона продвигается к Черни и Новосилю; а по речкам: Птани, Красивой Мече, Зуше и Непрядве (южные части Новосильского, Ефремовского и Епифанского у.у.) рассеиваются отдельные крепости и земляные городища. Наконец, укреплениями являлись и монастыри, почти всегда снабженные солидными дубовыми стенами: напр., Венев, монастырь или сожженный татарами в 1571 г. Рождественский монастырь в селе Балахнах (Богородицкого уезда).

Таким образом, во второй половине XVI века Тула и окружающие ее уезды представляли из себя сплошной укрепленный лагерь. В городах высшая власть принадлежала военным командирам—воеводам; все городское население вносилось в гарнизонные списки, и каждый житель их значился либо с „пищалью“, либо с рогатиной (обычные термины огнестрельного и холодного оружия).

Далеко перед засечной чертой в степь тянулись сторожевые пункты с вышками для „дозорщиков“ и с высокими шестами, снабженными пуками осмоленной лучины для световых или дымовых сигналов. Еще дальше в степи ездил „станции“ разведчиков (по большей части из казаков) следившие за первым появлением татар. Убедившись в опасности, разведчики скакали к ближайшему сторожевому пункту, и на шесте загорался сигнал. Вслед за ним спешил зажечь свой сигнал ближайший соседний дозорщик и т. д. и сигнальный огонь быстро добегал до Тулы или даже до Москвы. Мирное население, извещенное об опасности, спешило укрыться в лесах или соседнем городе; города, монастыри и усадьбы немедленно становились в осадное положение, а военно-служилый элемент выезжал „люден и оружен“ в поход против врага.

Военно-служилое население, как известно, и составляло, после крестьян, главный по численности класс в южно-русских уездах XVI века. Теснота и малоземелье в „Замосковном“ крае вызывали в течение всего этого столетия отлив на-

селения на юг. Если крестьянство предпочитало колонизовать Поволжье (особенно после покорения Казани), то безземельные „дворяне“ и „дети боярские“ искали, наоборот, „испомещения“ себя на южной военной границе. Кому не удавалось получить от правительства участка земли, „быть поверстанными в помещики“, тот просто шел в степь в качестве вольного казака, надеясь рано или поздно все равно быть принятым на государственную военную службу. Число помещиков и крестьян возрастает в Туле и окрестных уездах особенно во второй половине XVI века. Писцовые книги все время говорят о „починках“ (возникающих хуторах) и „вольных“ людях из Твери, Москвы, Новгорода и т. д.

Все это Тульское военно-служилое помещичье сословие являлось в то же время классом военных феодалов, эксплуатировавших труд крестьянина в виде хлебного оброка, барщины и денежных платежей. Торговый капитализм Московского государства особенно давал знать себя здесь на хлебодородной стороне. Торговля хлебом заставляла помещика как можно интенсивнее вести и свое хозяйство, и выжимать оброк из крестьянина, а постепенное падение ценности денег (установленное для второй половины XVI столетия) превращало и крестьянина, в неплатного должника своего помещика. В свою очередь этот последний испытывал нужду в деньгах и жаждал все новых прирезок земли, все нового повышения военного жалованья.

Общий характер жизни на южной окраине был беспокойный, подвижный и неуверенный в завтрашнем дне. Чувствовалось, что край находится в периоде организации. В городах все слишком отзывалось военным лагерем, который в то же время успевал быть и оживленным торговым рынком.

11.

Писцовая книга 1588 года чрезвычайно ярко отражает быт Тулы этой эпохи и, анализируя ее данные, мы получаем ценнейшие указания на экономическое и культурное состояние одного из самых типичных городов засечной черты.

Начать с того, что Тула значительно выросла с начала столетия. Ее площадь равнялась теперь почти квадратной версте. Кроме каменного Кремля и дубового острога она получает еще новое земляное укрепление к валу „завитой“, тянувшемуся вдоль Киевской дороги от угла нынешней Советской улицы и до Малиновой засеки, на протяжении 15 верст. Уже в том же XVI веке был пристроен „земляной город“, в районе Хлебной площади и прилегающих улиц. Часть населения не могла ютиться в городской черте и выселялась за острог, образуя зачатки слобод, и мы видели, что есть основание полагать общую цифру населения Тулы в конце XVI столетия в 3000—4000 человек.

Что же представляло из себя это население?

Центр города занимал Кремль со своими общественными зданиями и „осадными дворами“ и „клетями“, число их доходило до трех сотен. Теперь даже трудно представить себе, где могли помещаться эти громоздившиеся друг на друга избы, куда в „осадное время“ съезжались семьи окрестных помещиков, и где в мирные годы квартировали сторожа—дворники, несшие гарнизонную службу (самых дворян и детей боярских в Туле жило только 14 человек). В клетях—помещениях более тесных и бедных,—ютились „пункари“, „затинщики“, „ямские охотники“, отчасти и „черные“ посадские люди. В центре Кремля стоял деревянный, на каменном фундаменте, собор, а около него десятился дома духовенства (общая численность его в Туле не превышала трех десятков лиц). В Кремле же стояли дворы воеводы и протопопа—двух высших лиц города. От Пятницких до Никитских ворот (следовательно, параллельно реке и главной оси города) шла „Большая улица“, от которой расходились переулки и туники.

У Кремля, с западной стороны, лежала торговая часть города. Тульский рынок заключал не менее 500 торговых помещений, группировавшихся в Большой, Средний и Передний „ряды“ (были также ряды Мясной, Калачный, Железный и т. п.) В это число входили „лавки“, „амбары“, „скамьи“, „клетки“, „шалашки“ и „пристенцы“ разного вида и размера. В общем, однако, как и следовало ожидать, помещения торговцев были весьма миниатюрны (средний размер лавки не превышал сажени), да и товар, находившийся в них оценивался в общей сумме

на несколько рублей (по нынешней цене серебра на несколько сотен или тысяч). Лавки принадлежали казне, которая и сдавала их „в оброк“ торговцам за 1—2 алтына в год.

Во многом напоминающая города пред-капиталистической эпохи, Тула XVI века торговала на своем рынке, главным образом, предметами первой необходимости, рассчитанными на тесный круг покупателей из горожан и окрестных помещиков. Продавались мясо, хлеб, соль, рыба и сельди, мед, масло, солод, кожи, сапоги, ремни, сермяги, сукна, шапки, крашеники, железный товар, горшки, деревянная посуда, лапти и т. д. Попадались и лавки с москательным товаром, были торговцы шелком. Но за исключением немногих привозных продуктов (соль, сельди, шелк), наличие которых на Тульском рынке свидетельствует о торговых связях с Москвой и Белым морем (по Архангельскому тракту), почти вся торговля питалась изделиями местного ремесла и деревенским подвозом. Общее число лиц, занятых в торговле, достигало четырехсот человек, но „посадские“—торговый городской класс в тесном смысле этого слова,—составлял среди них всего одну пятую. Большинство торговцев было из „ратных людей“, именно упоминавшихся выше дворников; про владельцев 25 лавок прямо сказано, что они „прибегают в татарщину“,—открывают торговлю во время татарских набегов, когда в городе собирается особенно много окрестного населения.

Такой же местный, мелкий, порою случайный характер имело и ремесло. Писцовая книга 1588 года насчитывает около 200 ремесленников, среди которых опять-таки преобладали дворники, церковные люди, дворовые служилых помещиков. Большинство рыночных товаров изготовлялось Тульскими ремесленниками, всеми этими хлебниками, пирожниками, сапожниками, тележниками, портными и т. д., работавшими или на дому или тут же на рынке, в лавках—мастерских.

Особенное значение приобрело в Туле кузнечное оно же и слесарное ремесло. Богатый железной рудой Тульский уезд уже в XVI веке развил свою местную железнорудную промышленность. Крестьяне выплавляли чугуны в примитивных доменных печах (их насчитывалось до 12); перерабатывали его в железо и сбывали тульским кузнецам, выделявшим из него плужники, „ножишки да топорышки“, всякое холодное, а порою и огнестрельное оружие. Помимо вольных, в Туле в конце XVI века считалось до трех десятков казенных кузнецов, обязанных чинить городскую артиллерию и поселенных в особой слободе в Заречье. К таким же казенным ремесленникам относились и те плотники и кирпичники, которые время от времени исправляли приходившие в ветхость деревянные и каменные крепости Тулы.

Познакомившись с торгово-промышленной деятельностью посада и уяснив себе социальный состав Тулы в XVI веке, небезинтересно обратиться к самому внешнему виду города, столь характерному для лагерного типа жизни южно-помещичьей полосы. Расположенная в болотистой местности, Тула являла очень невзрачное зрелище городка, тонущего в непролазной грязи. Маленькие дома-избы то тесно лепились друг к другу, то чередовались с огородами и пустырями. Правильные улицы отсутствовали; их заменяли узкие, извилистые проходы с плетнями вместо заборов. Переулки часто переходили в тупики или терялись среди построек. Составителям Писцовой книги было очень трудно обозначить местоположение того или иного владения; отсюда в высшей степени сбивчивая топография описей: „до переулку налево“, „пройдя плетень протопопа“, к „городовой стене“ и т. п. Чуть ли не единственной правильной улицей города являлась вышеупомянутая Большая улица, пересекавшая Кремль и тянувшаяся вдоль посада, параллельно к реке, от Ильинских до Никитских ворот острога. Впрочем, упоминаются еще улицы: Никитская (от Никитских ворот до церкви Спаса), Спасская и Пушкарская (у Спаса), Ильинская (у церкви Ильи Пророка), Пятницкая и Фроловская. Приведенные названия интересны, во-первых, как показатель того, насколько живучи иные топографические обозначения, во-вторых, тем, что лишний раз отмечают центральное значение церквей для разделения старинного города на районы.

Дело в том, что среди путаницы улиц, переулков и тупиков, застроенных убогими домишками, церкви (обыкновенно высокие, нарядные деревянные здания) являлись естественными точками опоры для желавшего ориентироваться глаза.

В Туле, кроме собора, в конце XVI века их насчитывалось восемь: Успенья, Никиты, Спаса, Георгия на Ржавце, Ильи Пророка, Покрова, Фрола и Лавра и Введенья (на старом городище нынешнего заводского острова). Имелся в Туле и мужской монастырь,—Предтеченский (потом архиерейский двор), построенный в память осады 1552 года, с его двумя деревянными церквами.

Около Никитских ворот Кремля была расположена слободка „пашенных и торговых крестьян“ (вероятно принадлежавших монастырю); позади него к р. Упе вновь встречались осадные дворы детей боярских; у Никитских ворот острога жили казенные кузнецы. От Никитского конца до Одоевских ворот тянулись огороды; в районе Спасской церкви (рядом с рынком) жили главным образом торговые посадские люди. В районе Пятницкой у реки находилась баня; у церкви Покрова стояли крестьянские (церковные) дворы и „кельи“ нищих. Такие же кельи с дворами „чернецов“ встречались у церкви Фрола и Лавра.

Городище соединялось с посадом мостом (на месте нынешнего Чугунного); оно являлось как бы упраздненным городком и, кажется, не было населено. По крайней мере, здесь в 1589 году отмеривалась земля для предполагавшегося к постройке женского монастыря, а рядом с нею находился двух-десятиновый луг Введенского попа.

Около города уже в XVI веке стали возникать слободы: „пушкарей, затинщиков, ямщиков и казаков—„черкасов“—(ср. такие же казацкие слободы в Деделове и Епифане—м. б. результат московской политики, стремившейся обезопасить себя от казачьей вольницы испомещением ее на земле). Не безинтересно упоминание о мельнице торговых людей (вниз по Упе), очевидно перемальвавшей привозимое в город на продажу помещичье зерно. На непрерывный рост города показывает тот факт, что отдельные дворы детей боярских попадались и на правом берегу Упы, за Тулицей, м. б. в нынешнем Чулкеве и Заречье.

III.

Картина Тулы конца XVI века, повторяем, типична для пограничного Московского города; тоже представляли из себя и другие города края, нынешние уездные города. Те же деревянные „остроги“ с осадными дворами внутри, те же избы и торговые помещения, те же узкие и грязные улицы, те же деревянные церкви с скудным инвентарем, те же преобладание военнообязанного элемента, расписанного на гарнизонную службу, те же местные „ремеслишко да торговлишко“. Нужно прочесть хотя бы страницу писцовых книг, чтобы теснейшим образом соприкоснуться с жизнью, полной тревоги, неустойчивости, внутреннего брожения и внешней опасности. Ведь это была эпоха, когда торговый капитал властно ломал старые феодальные порядки; заставлял боярина разоряться, помещика интенсивно хозяйничать, крестьянина бежать от того и другого, казака—искать земли за службу. Нетрудно установить, что, если населенность тульского края в XVI в. и являлась, конечно, очень слабой, в сравнении с современной (число жителей на кв. версту не превышало пяти), то все же она непрерывно и быстро возростала. Прирост населения и связанное с ним увеличение площади запашки особенно сильны в самом конце XVI века, когда экономический кризис Замосковья гнал земледельца на юг (чтобы отдать его здесь долговой кабале у помещика). Всего за четыре года, с 1585 по 1589 площадь пашен увеличилась почти вдвое. Не менее красноречив и факт постоянно возрастающего количества „приходцев“ с севера и в городах и в уезде, определенно устанавливаемый анализом писцовых книг.

Преобладающей формой поселения являлась деревня; далее шли села, сельца и „починки“ (хутора). Процент пустошей,—заброшенной земли,—был сравнительно невелик (30%), да и то он объяснялся главным образом татарским разорением.

Основной формой землевладения являлось конечно поместное, военно-служилое (80%). В сравнении с ним крестьянское, вотчинное-княжеское и монастырское, можно назвать ничтожным (17%, 2% и 1%). По своим размерам тульские поместья принадлежали к сравнительно мелким, что, в связи с постоянным дроблением владений при наследовании, приводило к росту „однодворчества“ (при чем сам помещик обрабатывал свою землю), а также к развитию и настоящего

помещичьего пролетариата. Мелким размером тульских поместий объясняется и большая интенсивность хозяйства в них: под перелогом на помещичьих участках оставалось вдвое меньше земли чем в вотчинах князей или бояр.

К крупным землевладельцам принадлежали также монастыри: Венев, расположенный на Картоусневской засеке, и Ивано-Предтеченский в Туле. Оба монастыря получили не только большие земельные пожалования от Ивана Грозного, но и всякого рода льготные изъятия в духе феодальных иммунитетов (монастырских „людей“ судят не тульские наместники, а сам игумен; монастырские „люди“ несут повинности не в пользу государства, а монастырю и т. п.). Вотчины Венева монастыря находились непосредственно возле него; Предтеченский же монастырь владел пашнями, огородами, лесами, деревнями и пустошами в разных местах Тульского и других уездов. Ему же принадлежала „половина мельницы“, т. е. половинное право на мельницу, находившуюся на речке Тулице.

Тем не менее ни крупные вотчины княжат и бояр, ни церковное землевладение не нарушают сколько-нибудь заметным образом общей картины хозяйственной и общественной жизни края. Помещик, нередко он же и землепашец, поверстанный в „государеву службу“ воеводой соседнего города, окружавший свою усадьбу деревянным тыном, готовый всегда выехать в поле „кнзным и оружным“, является типичной фигурой эпохи. Рядом с ним стоит крестьянин, зачастую кабальный, разоряемый и татарскими набегами, и феодальной эксплуатацией военно-служилого землевладельца. Этот крестьянин еще не крепостной, но все условия закрепощения уже на лицо. А они особенно тяжело должны были ощущаться именно здесь, в пограничной области государства, рядом с дикой степью и казацкой вольницей. Постоянная мобилизация населения, непрерывная иммиграция с севера пролетаризировавшихся элементов московского общества повышало напряженность общего недовольства—помещика, разоряемого падением ценности денег, малоземельем и обременительной службой, „сына боярского“ и казака искавших поместья, крестьянина обязательного содержать землевладельца. Все эти „Ондреки, Ивашки, и Богданки“, несмотря на уничижительные имена, даваемые им Писцовыми книгами и канцелярским языком приказных изб, были далеко не мирными людьми.

Они не только огораживали плетнем свой огород, разбивали на скорую руку торговый „пристенок“, взбирались с рогатиной или пицалью на черную, от времени полусгнившую, десятки раз подновленную городскую стену, чтобы защищать ее во время „татарщины“; в них жил дух мятежа и восстания и они каждую минуту были готовы поднять революционное движение. Как экономическая жизнь, так и общественный уклад Тульского края около 1600 года содействовали тому, что бури смутного времени особенно сильно разразились здесь.

IV.

Революционное движение смутного времени, подготовленное экономическим и социальным кризисом последних десятилетий XVI века, протекало наиболее интенсивно в южных, украинских городах Московского государства. Тула и Тульская область являлись ареной особенно бурных проявлений десятилетней революционной борьбы, направленной против государственного и крепостного ига.

Движение началось в голодные 1601—1603 годы, когда хлеб вздорожал почти в 30 раз. Правительство Бориса Годунова тщетно предпринимало общественные работы, чтобы так или иначе организовать продовольственное дело среди безработного люда (в эти годы в Туле при воротах Предтеченского монастыря б. построен храм Бориса и Глеба), но при опустении государственной казны и развале приказного аппарата подобные мероприятия не вели ни к чему. Отчаявшееся население или группировалось в разбойничьи шайки или образовывало настоящие войска повстанцев.

В 1603 и 1604 г.г. в Калуге и Туле действовало двадцатитысячное войско, составившееся из „воровской вольницы“ с атаманом Хлопкой Косолапом во главе, и только с большим трудом Московскому правительству удалось ликвидировать движение.

В 1605 году против Москвы поднимаются в Туле другие общественные слои. Около первого самозванца группируются служилые помещики.

В апреле месяце в Рязани, Туле, Кашире и Алексине создается „совет городских воевод“ вступивших в соглашение с „боярскими детьми“. В мае 1605 года самозванец беспрепятственно занимает Тулу, а сюда к нему является цет Московского боярства с придворным штатом и запасами. В Предтеченском монастыре Рязанский архиепископ провозгласил многолетие новому царю и привел служилых людей к присяге. В течение двух недель Кремль и посад кишел войсками и народом, собравшимся из окрестных местностей; из маленького трехтысячного городка Тула превратилась в сотысячную столицу.

В 1606 году Тула становится наиболее революционным городом Московского юга. Групирующееся в ней мелкое служилое дворянство поднимает новое восстание против крупной собственнической креатуры на Московском престоле—царя Василия Шуйского. Мелкие помещики и дети боярские Тулы, Каширы, Венева и Рязани образуют „дружины“ с *выборными* воеводами (прежние воеводы назначались Московским правительством). Во главе дружин становятся, в Рязани—известные Ляпуновы, в Веневе, некто Истома Пашков. Восставшие идут к Москве, однако после ряда неудач, в конце 1606 года Пашков и Ляпунов переходят на Московскую службу. Дворяне и дети боярские испуганы движением служилого пролетариата, группирующегося около Болотникова.

Бывший беглый холоп, вернувшийся из за границы (Константинополя, потом Венеции) Болотников обращался со своим призывом к тем самым слоям населения, которые в 1603 и 1604 г.г. объединились около Хлопка Косолапа. В „воровских листах“ (так назывались на языке правительства революционные прокламации) он призывал боярских холопов крестьян, казаков (вольный, искавший земли люд), а равно и посадских, объединиться против воевод и бояр, громить их имения отбирать добытое народным трудом добро. Агитация имела успех, и Болотников с значительными силами направился к Москве. Потерпев здесь поражение от Скопина-Шуйского Болотников отступил к Калуге и Туле. Здесь к нему подошли на помощь повстанцы южных городов: Путивльский воевода, князь Шаховской, казачий атаман Заруцкий и Черниговский наместник князь Телятевский. Они вели с собою недовольные толпы служилых людей и везли нового самозванца „Лже-Петра“, мнимого племянника первого самозванца. Сначала Калуга, потом в мае 1607 года, Тула превратились в укрепленные лагеря; в июне после ряда удачных сражений с Московскими войсками под Калугой и Алексинем была сделана новая попытка продвинуться к Москве. Однако, Телятевский был разбит под Каширой сильными правительственными войсками под начальством самого царя Шуйского; Шуйскому удалось взять Алексин и подойти вплотную к Туле. Рассеяв авангард туляков под селом Мясовым, Московские войска обложили город. Царская ставка и штаб осажденных заняли „Черленную Гору“—возвышенность Кузнечной слободы—нынешнюю Октябрьскую улицу; главное войско расположилось вокруг деревянного посада, в районе Площадной и Коммерческой улиц; другие войсковые части разбили лагерь в Чулкове. На заводском острове, против стен Кремля и по Советской улице были поставлены осадные батареи.

10 июля 1607 года началась осада, в то же время царские войска усмиряли „бунтовавшие“ окрестности Тулы (города Дедилов, Крапивну, Епифань и Белев). Шли массовые экзекуции: разграбление имений мелких помещиков, примкнувших к революции, массовые казни всех захваченных в плен (их целыми группами топили в реке). Жестокость Шуйского придавала осажденным мужество; терпя недостаток в хлебе и соли двадцатитысячное войско Болотникова делало смелые вылазки по несколько раз в день и сильно вредило осаждающим. Казачьему атаману Заруцкому удалось пробиться через Московские войска и направиться на юг, где он начал собирать новые отряды на выручку Болотникова. Наступила осень и Шуйскому приходилось так или иначе покончить с Тулой. Не будучи в силах взять город, решились затопить его. Около нынешнего Курского вокзала Московские войска соорудили колоссальную плотину через Упу. Река вышла из берегов и затопила низменный (и без того болотистый) посад и Кремль. В Туле стали ездить по улицам в лодках; к ужасам голода присоединились сырость и болезни. Осажденные толпами начали покидать город и сдаваться Шуйскому на милость победителя; 10 октября, после того как царь объявил „прощение“ революционерам в его лагерь явились с повинною и сами Болотников, Шаховской и Телятевский.

Оба последние в качестве бояр и князей отделались ссылкой, Болотников же, сначала пощаженный по царскому слову, потом был тайком утоплен в Каргополе. Взяв Тулу, Шуйский безмерно торжествовал это событие. Часть пленных была утоплена, остальные возвращены в прежнее холопское состояние; пленников брали из тюрем на поруки крупные помещики и обзаводились таким путем даровыми рабами.

Но 1607 год не закончил революционного брожения в Тульском крае. В следующем же году, когда появился т. наз. „Тушинский вор“, Тульская область вновь была охвачена движением. В 1610 году Тула стала резиденцией казаков, которые во главе с Заруцким шли отсюда в 1611 году к Москве.

Отдельные аграрные погромы и расправы с помещиками имели место и в последующие годы. В 1613 году Тульские окрестности опустошались крымскими и ногайскими татарами; здесь же свирепствовал и знаменитый польский кондотьер Лисовский.

V.

„Смутное время“ сильно затормозило экономическое развитие Тульского края. Население его уменьшилось вдвое; целые дворы и селения стояли пустыми. Только очень медленно, в течение целого полувека, населенность вновь поднимается до прежней цифры конца XVI столетия (10 чел. на квадр. килом.). Разброд крестьянства долго не давал сельско-хозяйственной жизни войти в нормальную колею. В XVII веке Тула перестает быть „украинным“ городом Московского государства: южная граница передвигается в губернии Курскую, Харьковскую и Воронежскую. Здесь лежат теперь вольные пустые земли, куда устремляется безземельный крестьянин, и мы видим, что начиная со второй половины столетия население Тульского края снова начинает уменьшаться, отливая в виде „беглых“ на юг и не пополняясь в таком же размере притоком населения из центральных еще более запустелых уездов.

Край продолжали беспокоить набеги крымских татар (в 1615, 1618—20, 1624, 1633 и 1659 г.г.), которые заставляли правительство попрежнему заботиться о засеках и делали Тулу средоточием войск „Украинского разряда“ (название главного штаба в XVII веке). По прежнему на Тулу писались указы, чтоб „воеводы в городах жили с великим береженьем“ и сторожа б у них ближние и дальние были крепкие“, дабы „воинские люди днем и ночью к Туле безвестно не пришли и валу не перекопали и уездов не поваевали людей не побили и в полон не поймали“. В XVII столетии в г. Туле, кроме московских войск, стояли московские стрельцы, черкесские, донские и яицкие казаки, а также „солдаты и драгуны“ (первые войска, обученные по западно-европейскому образцу). В 1638 году, когда запустение и недостаток в людях были еще особенно ощутительны на Туле „писали в солдаты“ детей боярских и всяких охочих людей, которых было очень много на южной окраине в силу еще неулегшегося бродяжничества.

Что касается засек, то они требовали постоянного надзора и периодического ремонта. Окрестное население все время протаптывало тропинки, рубило деревья и осыпало вал по засечной черте, нарушая неприступность укреплений. Еще в конце XVI в. перед смутой, при Годунове были рассмотрены засечные чертежи в Москве и засеки занесены на официальную карту Московского государства— „Большой чертеж“. В конце 30-х г.г. XVII столетия было обращено особенное внимание на тульские засеки и в 1638 г. произошла реформа „засечного дела“—подробный дозор, исправление, укрепление и снабжение гарнизонами и оружием засек. Были точно росписаны обязанности воевод, охранявших ту или иную засеку и окончательно зафиксированы повинности окрестного населения по исправлению и охране засек. Повинность ложилась как на крестьян, так и на посадских очень неравномерно и была чрезвычайно тяжела.

Известия о бегстве „деловцев“ с работ и челобитные посадских и крестьян правительству об освобождении от разоряющей хозяйство сторожевой службы дошли до нас в значительном количестве.

Даже в последней трети XVII столетия, когда оборонительная черта отошла уже далеко на юг, правительство продолжало поддерживать неприкосновенность

тульских засек. Но эти заботы объяснялись теперь уже чисто хозяйственными соображениями: засеки являлись великолепными лесами, которые следовало оберегать, как строевой материал и топливо, для уже начавшей развиваться Тульской железоделательной промышленности.

Вообще говоря в XVII столетии Тула продолжала оставаться по преимуществу военным городом.

Посадское, т. е. торгово-промышленное население составляло в 1636 г. всего 17% общего количества жителей и только в 1669 и 1682 г. этот процент поднялся до 50. То же явление, только с еще большим преобладанием, а иногда и с исключительною наличностью в населении их военно-служилого люда, замечаем и в других городах Тульского края. В Алексине в 1636 г. на 81 чел. населения (взрослых мужчин) приходилось всего 4 посадских, в Калуге на 155 человек—40 посадских, в Одоеве на 159 человек—12 посадских, в Белеве на 451 чел.—117 посадских, в Веневе, Дедилове, Епифани, Крапивне, Новосиле и Черни вовсе не находили посадских людей. Только в 1669 и 1682 г. в Веневе посадские составляют половину, а в Одоеве—одну треть населения.

Коснувшись уездных городов Тульского края, следует отметить, что наиболее сильными крепостями XVII столетия, после Тулы, являлись Дедилов и Крапивна, имевшие прекрасные дубовые остроги и сильные гарнизоны. Кроме того в середине столетия начинают упоминаться вновь заселенные городки Ефремов и Богородицк.

Попробуем теперь нарисовать картину Тульской жизни в течение XVII века—за этот период развития города из чисто военного центра XVI столетия в промышленный и торговый город XVIII века. В 1636 г. Тула имела всего двухтысячное население и только в 1669 и 1682 г. г. это население удвоилось. Прирост жителей вызывал необходимость в расширении городской черты. В 1649 году городские выселки к юговостоку от деревянного острога были вновь укреплены земляным валом, шедшим от Никитских деревянных ворот на нынешнюю Хлебную площадь и заворачивавшим отсюда по Площадной улице вплоть до земляного вала завитья (вдоль улицы Коммунаров). Образованная валом 1649 г., неправильная трапеция с площадью в 20 десятин, носившая название Земляного Города, однако была слишком тесной и около Острога во все стороны как и в конце XVI века разрастаются новые слободы.

По подробной описи 1685 г. можно составить детальное представление о Туле XVII века. Центр „каменного города“—кремля,—занимает каменный, пятиглавый Успенский собор, „строенъе великих государей“, (сооруженный, а может быть, только перестроенный, при царях-соправителях Петре и Иване Алексеевичах, на казенные средства). Еще в 1660 г. царь Алексей Михайлович „пожаловал“ Тульский соборный причт пашнею на речке Рогожня и ежегодной выдачей из казны по 45 руб. с 25 алтынами. Тульский Успенский собор XVII столетия представлял из себя самое большое и красивое здание города; он имел в длину до 11 саж. и распадался на центральную часть и приделы.

В кремле же сосредоточивались и все правительственные здания. Близ собора по направлению к северной угловой башне стоял двор тульского воеводы, имевший 15 сажень в длину и 12 сажень в ширину. Между собором и Никитскими воротами, по Большой улице, стояли приказная и губная избы—деревянные корпуса гражданской администрации и уголовного суда. Рядом с губной избой находился застенок для пытки обвиняемых. По Большой же улице, по другую сторону собора, по направлению к Пятницким воротам стоял двор Коломенского и Каширского архиепископа, которому в церковном отношении подчинялся тогда Тульский край. Около стены, от Пятницких ворот к Спасской угловой башне, находился „богадельный двор“, где жило до ста человек нищих, имевших своего старосту и получавших годовое содержание от казны в размере 12 р. 32 алтын. Между нынешней соборной колокольней и гауптвахтой находилось видное учреждение XVII века—казенный питейный (т. н. „кружечный“) двор—центр казенной продажи водки, средоточия пьянства, гульбы и драк. Напротив кружечного двора, по другую сторону Одоевских ворот имелся таможенный двор—охватывавший все финансовое управление Тулы.

Помимо этих присутственных мест (к ним следует причислить и всякого рода склады оружия и прочих казенных вещей) в кремле XVII века по прежнему еще стояли и доживали свой век уже более ненужные осадные дворы, числом

до сотни, в которых квартировало до двухсот человек духовного, приказного и военного населения.

Самые кремлевские стены в течение XVII века еще продолжали хранить свой прежний боевой вид: на Спасской башне еще висел вестовой колокол, внутри ее хранилась „казна“, а в „казенке“ Пятницких ворот помещался склад оружия. Но описание времен Петра рисует нам картину полного обветшания деревянных частей укрепления: кровля под башнями и стенами сгнила или сгорела; дубовые накаты башей пообвалились; зубцы часто обрушивались.

Существовал по-прежнему и деревянный острог, окружавший тульский посад, но он уже далеко не вмещал всего населения Тулы. Как мы видели выше, слободы играют все большую роль: описание их становится очень подробным. По Упе возле мельницы за Троицкими воротами (т. е. на месте нынешних Подъяческих) по-прежнему располагалась слобода донских казаков; рядом с ней, за Никитскими воротами, по нынешней Никитской улице находилась слобода Стрелецкая, в которой жили „сопча“ казаки и пушкар; за Ильинскими воротами, на месте Павшинских улиц (в их начале) была расположена Флоровская слобода „посадских людей“ с деревянной церковью Флора и Лавра, построенной на средства „мирских людей“. За Флоровской слободой вдоль Павшинской дороги тянулась Павшинская слобода „посадских людей“, построивших для себя деревянные церкви Успения и Екатерины мученицы (первая находилась на месте современной каменной церкви Успения, вторая стояла где то в районе церкви Ильи пророка). Рядом с Павшинской слободой по речке Ржавцу, там, где теперь стоят церкви Николая и Георгия на Ржавце, располагались слобода Никольская, опять таки заселенная „посадскими людьми“, и имевшая деревянную церковь Николая чудотворца (на Ржавце). К юго-востоку от нее, в районе Калужской и Петровской улиц, находилась последняя „посадская“ слобода—Петровская с деревянной церковью Петра и Павла (на месте современной каменной); здесь жили посадские люди, выселенные из Кузнецкой слободы. Наконец заречными слободами, вместе с Кузнецкой, являлись слободы: Гончарская, по Московской дороге за Кузнецкой слободой, имевшая деревянную церковь Рождества Богородицы и Ямская, расположенная в начале Октябрьской улицы и населенная ямщиками („ямскими охотниками“, в количестве около 40 дворов). Всего в тульских слободах XVII века находилось почти двести дворов; самыми населенными слободами являлись: Кузнецкая, Ямская, Стрелецкая, Никольская и Флоровская.

Насколько богаче, в сравнении с Тулой XVI века, стала Тула к концу XVII столетия, показывает рост каменных церквей, возникших на месте прежних деревянных. При царе Алексее была построена каменная Казанская церковь, на средства выпрошенные тульским протопопом Лукьяном бывшим одно время дворцовым духовником. Небольшая по размерам, (10 и 7 сажений), Казанская церковь являлась типичной московской „пятиглавкой“ XVII в.; была покрыта, вместе с главами, белым железом; имела золоченные кресты, а над боковым приделом ее возвышалась колокольня (первая в Туле), снабженная величайшей редкостью—двухаршинными часами с боем. Внутри церкви имелись пожалованные царем иконы в дорогих серебрянных и шитых золотом и жемчугом ризах (одна—работы царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной), около храма и окружавшего его кладбища—погоста шла каменная ограда *).

Неподалеку от Казанской церкви (просуществовавшей вплоть до 1834 года, когда после пожара на месте ее был построен существующий ныне храм) в той же торговой, оживленной и тесно заселенной части города стояли каменные церкви: Покрова, трехшатрового типа, причт которой был пожалован царем пашнями и денежным жалованьем, и Благовещения, выстроенной на средства священника этой церкви. Покровская церковь в XVIII столетии была заменена ныне существующим храмом Покрова, а Благовещенская, исключая позже пристроенные приделы, существует и поныне в прежнем виде. Возле Благовещенской церкви тоже находилось кладбище, а подле него стоял „богадельный двор“, где жили нищие. Деревянная церковь Спаса заменяется каменной. Предтеченский

*) Тем же протопопом Лукьяном была построена каменная церковь Воскресенья на старом Городище (заводском острове), которая, сильно переделанная впрочем, существует и ныне.

монастырь обносится каменной оградой (существующей доныне). Внутри монастыря строится сохранившаяся доселе каменная трехшатровая церковь Похвалы Богородицы. В этом же монастыре в XVII ст. возникают каменные церкви Богородицы Одигитрии и Иоанна Предтечи, просуществовавшие до конца XVIII века.

В середине XVII века возник в Туле и другой монастырь Успенский девичий, включивший до 50 монахинь. Еще в конце XVI века под него было отведено пустопорожнее место на Старом Городище у устья р. Тулицы, но смутное время затормозило постройку. Только при царе Алексее монастырь, наконец, отстроился, но уже совсем на другом месте—рядом с торговой площадью вдоль южной стороны кремля.

Переходим к Тульскому базару. В XVII столетии мы встречаемся на Тульском рынке с „рядами“: москательным, старым и новым соляным, железным, мясным, серебряным, (!) рыбным, харчевенным, горшечным; мелочным, колачным и квасным. Теснота заставляла переходить за рыночную черту и лепить лавки почти вплотную к кремлевской стене. Правительство запрещало соседство торговых помещений с крепостью, но его органы на местах были уступчивее и „для своей бездельной корысти“ (как выражается один из воевод после пожара 1642 г., уничтожившего базар и едва не взорвавшего пороховую казну в кремле) разрешали строить лавки и за указанной чертой.

Другим средоточием торговли являлась площадь у южной стены кремля против Девичьего монастыря на месте нынешней Менделеевской улицы и верхнего Кремлевского сада: здесь находились между прочим ряды москательный и щепной.

Как показывает название рядов, торговали, главным образом, пищевыми продуктами и домашней утварью: в этом отношении не замечается крупных перемен в сравнении с XVI веком. Сильно возросла торговля солью—почти одна треть всех лавок относилась к этой торговле, да несколько более была развита торговля привозными московскими товарами. Мы все чаще встречаем московских купцов, „москвитян“,—временно или более прочно поселившихся в Туле. В связи с торговыми сношениями с Москвой замечается в XVII веке и уход разбогатевших тульских купцов в Москву, в силу чего в конце столетия многие лавки на рынке пустовали. Другой причиной сокращения числа торговых помещений к 1675 году следует считать переход к более крупной торговле. В 1685 году мы встречаем, например, в Туле купцов, владевших несколькими помещениями каждый, арендовавших у казны до 17 лавок.

В связи с ростом посадского элемента в населении Тулы на счет военного стоит крупное изменение в социальном составе торгующих. Дворники—сторожа осадных дворов в мирное время, играющие столь видную роль в торговле XVI века, отходят на последний план, их место занимают посадские люди (37%, торговцев). Разные люди из слобод стоят велед за посадскими (31%), затем идут лица, зависевшие от церквей и жившие на церковной земле.

Такое же явление замечаем и в Тульской промышленности XVII-го столетия. Среди 245 ремесленников в 1625 г. встречаем только 3 ратных людей и одного крестьянина: прочие—принадлежат к чисто посадскому элементу. За исключением казенных кузнецов, большинство ремесленников живут крайне бедно. Они по большей части „делают ножишка“ (т. е. слесарят), при чем, приблизительно две трети их работают не самостоятельно, а нанимаются в качестве подмастерьев. При этом они не тянут тягла (не несут податей) из за несостоятельности, и относительно их мы встречаем такие картинные выражения, как: „скитаютца меж дворов“ или „питаютца по миру“.

Кроме ремесленников и торговцев, к посадскому населению принадлежали и арендаторы различных доходных статей даваемых на откуп правительственными органами. К таким „оброчным“ статьям относились: перевоз и мост через реку Упу на Зарецкую или Кузнечную сторону (за переход реки по мосту и переезд на лодке взималась плата); рыбные ловли и мельница на Упе; кабак—в середине кремля и шесть бань по берегу реки. Относительно баньщиков читаем любопытные подробности: „топили они те бани по недельно; кою неделю топил черкашеник (черкасский казак) Степанко Сидоров да Мишка Сисин, и в ту неделю вдова Настасья своих бань не топил, а кою неделю вдова Настасья бани свои топил, и в ту неделю черкашеник Степанко и Мишка Сисин своих бань не топят“.

Некоторые цифры лучше всего познакомят нас с ростом Тулы в XVII столетии. Посадского населения (т. е. одних взрослых мужчин) в 1647 г. насчитывалось 406 чел., а в 1667 г.—534 челов. Ямских охотников в 1647 г. было 89 чел., а в 1677 г. стало 132; число казенных ремесленников (гончаров и кузнецов) за эти же годы возросло с 140 до 262. Наоборот, ратные люди уменьшились с 481 челов. до 233. Абсолютно с 1647 по 1677 г. тульское население почти не увеличилось (1072 взрослых мужчин в первом и 1161 во втором году), но, приняв во внимание страшное „моровое поветрие“ 1654 г., когда за 5 месяцев умерло 1800 чел. обоого пола (т. е. целая треть населения) увидим, что нормально за 30 лет население Тулы возросло бы более чем в полтора раза. Во всяком случае, в конце XVII столетия оно достигло цифры не менее 5000 челов., и Тула могла считаться одним из крупных городов Московского государства.

Помимо торговли этот рост города объясняется еще и развитием железноделательной промышленности. Уже, говоря о Туле XVI века, мы отмечали выплавку железа крестьянами и помещиками Тульского уезда. Железо добывалось по преимуществу из глибовой руды близ города Дедилова, где до сих пор еще существуют так называемые „провалища“ — ямы, остатки прежних рудников. Тульские кузнецы XVI века (и казенные и просто ремесленники) выделывали „самопалы“—ружья из железа, привозимого в Тулу крестьянами, но, при плохом качестве местного материала, эти самопалы далеко уступали ружьям, привозимым из Голландии, Англии и Германии. Да и потребность в железе была слишком велика в сравнении с количеством его, добываемого в Туле: железо по дорогим ценам приходилось выписывать из за границы главным образом, из Швеции. Дороговизна привозимого железа заставляла московское правительство всячески заботиться о развитии туземной металлургии: оно вступило на путь концессий и покровительства иностранным предпринимателям. В 1632 г. голландским купцам—братьям Виниусам и Вилькенсону была дана грамота на право искать и добывать железную руду между Серпуховым и Тулою с обязательством поставлять железо в казну и учить „государевых людей всякому железному делу и никакого ремесла от них не скрывать, дабы впредь то железное дело было государю прочно и государственной казне прибыльно“. Остающееся по удовлетворении казны железо заводчики могли продавать кому угодно. Предпринимателям выдавалось авансу по 3000 руб. в год (сумма по тому времени огромная) и они освобождались от оброка в течение 10 лет. Другим лицам в это время строить железноделательные заводы запрещалось.

Виниусы выбрали место для своего завода в верховьях речки Тулицы, там где впадает в нее р. Глядяшка и где стояло древнее Тулицкое Городище. Реку запрудили четырьмя плотинами (единственными механическими двигателями в XVII веке являлись водяные) и построили четыре „городищенских“ завода, на которых и обрабатывалась руда, добываемая Виниусами около Дедилова (у деревни Брусенки на речке Алене) при помощи пятидесяти „ровщиков“, набранных из Дедиловских казаков и стрельцов.

Руда привозимая на заводы, плавилась в доменных печках при помощи угля, выжигаемого окрестными помещиками. Из нее отливались пушки или же, при помощи вододействующих молотов, выковывалось прутковое железо. В мастерских—„анбарах“—вододействующие машины высверливали и обтачивали каналы пушек и ружейные стволы. Главными мастерами и инструкторами на заводах Виниуса были иностранцы—немцы и англичане.

Однако концессия оказалась мало выгодной: Виниусу пришлось войти в долги. Тогда он взял себе в компаньоны еще несколько иностранцев и выпросил у правительства дворцовую волость, находившуюся в Алексинском уезде, крестьяне которой стали таким образом крепостными завода. Однако между компаньонами вскоре начались ссоры, и, исходя из того, что десятилетний срок концессии истек, московское правительство в 1647 г. отобрало у Виниуса заводы и приказало весть их своему оружейничему боярину. Но дело не пошло и вскоре пришлось вернуть отобранное прежним хозяевам—вследствие ходатайства голландской республики. Компаньоны Виниуса, Акема и Марселиус получили право беспопли-

ного владения на 20 лет, а цена на поставляемое ими железо была повышена. Ободренные успехом, иностранцы построили четыре новых завода в Каширском уезде по речке Скниге, на которых выделялось уже не только оружие, но также и земледельческие орудия и утварь. При этом железо по-прежнему получалось со старых Городищенских заводов.

В 1662 г. за какую то „политическую вину“ Марселиуса, Московское правительство, столь жаждавшее самостоятельного хозяйства, отобрало у него заводы, но, как и в первый раз, не могло управиться с ними. Тесно связанные друг с другом дедиловские рудники, городищенские и каширские заводы попали в ведение различных приказов и канцелярская волокита печально отозвалась на технической стороне дела. Начались ссоры между заводскими приказными и дедиловским воеводою; чтобы как нибудь поправить дело, правительство в 1667 г. вновь отдало заводы Марселиусу, который построил еще пушечный завод в Алексинском уезде на речке Вепрейке у селца Кохтева. В 1690 году, когда умер и сам Марселиус и его наследники все тульские заводы перешли в казну и были пожалованы Петром боярину Льву Кирилловичу Нарышкину в вечное владение.

Так закончился первый, иностранный период тульской железоделательной промышленности. Значение его было очень велико в смысле установления машинной техники и инструктирования тульских мастеров иностранными специалистами. Виниусом и Марселиусом было выписано из-заграницы до шестисот литейщиков и оружейников, которые м. пр. научили тульских казенных кузнецов более совершенному способу „заварки“ стволов—важнейшей детали ружейного производства, в которой местные мастера были менее всего сильны.

VII.

Параллельно с ростом предприятий иностранных заводчиков росло и кузнечное казенное дело. Как мы видели выше, еще в XVI веке среди тульских кузнецов выделялась особая группа казенных кузнецов, обязанных удовлетворять потребности государства в изготовлении и починке оружия.

В 1595 году тульские кузнецы просили позволить им поселиться за Упой особою слободою, где не могли бы жить прочие посадские люди, и освободить их от всяких посадских податей и земских повинностей. В ответ на эту челобитную последовала грамота, приказывавшая устроить кузнецов особою слободою (в количестве 30 дворов) платящей 10 руб. оброка непосредственно в казну. Таким образом и для правительства и для кузнецов получалась выгода: первое могло более легко надзирать за работой кузнецов, последние устраивались своим особым миром—товарищей по ремеслу, связанных общими интересами, солидарностью и обменом услуг. Но для посада эта экстерриториальность кузнецов и освобождение их от податей были в высшей степени тягостны: посад и без того имел много дворов, вышедших из тягла—оказавшихся неплатежеспособными. Уже в 1599 г. тульские кузнецы жалуются правительству, что „от посадских людей им, кузнецам, чинится теснота великая и притягивают они их в тягло“ Правительство, подтверждая грамоту 1595 года, потребовало, чтобы „тульские кузнецы с посадскими людьми в тягле никаком не бывали, а делали одно самопальное (ружейное) дело“,—но разграничение не только прав и обязанностей, но даже самого места жительства оказывалось очень нелегким, и в течение революционного периода смуты у кузнецов шла своя непрерывная междоусобица с посадскими людьми.

При первом Романове правительство, вследствие войн со Швецией и Польшей, оказывается сильно заинтересованным в тульских кузнецах. В 1615 году была сделана перепись казенных оружейников, положившая начало их закреплению. В 1622 году кузнецы были изъяты из подсудности местному воеводе и подчинены непосредственно московскому стрелецкому приказу. Вместе с тем предписывалось впредь освобождать тульских кузнецов от тяжелой натуральной повинности—постоя послов, гонцов и разных людей. Грамота, в которой даются эти привилегии, интересна еще и тем, что в ней мы встречаем указание на известную внутреннюю организацию кузнецов: они действуют сообща и пользуются выборным старостой

„Потапкой Полуэктовым“ и для сношений с правительством и для борьбы с наседающими воеводами и приказными.

По переписи тульских кузнецов в 1626 году оказалось, что общее число мастеров ствольных, замочных и ложевых равнялось 48. Два года спустя тульские кузнецы были освобождены от оброка, который они платили в государственную казну с 1595 года. Новая льгота заставила целый ряд вольных кузнецов перейти в казенную слободу, и в последующих годах число мастеров повышается до 70—80. Опираясь на заинтересованность в них правительства, тульские „самопальники“ вели упорную борьбу с местными воеводами, не хотевшими признать их льгот. На всякое притеснение воевод кузнецы отвечали угрозой забастовки—прекращения или сокращения работы, и правительство обычно делало строгий выговор виновным. Например, в 1641 году воевода, засадивший нескольких оружейников в тюрьму, получил приказ немедленно освободить их в виду того, что „многие самопальные мастера от того разбежались, и государево самопальное дело делать некому“. Около этого же времени кузнецам еще раз была подтверждена льгота, освобождавшая их от военного постоя. В середине столетия число кузнецов достигает уже полутора ста человек, и их работа на казну получает определенную регламентацию. Кузнецы вместо оброка, обязаны поставлять ежегодно 244 пищали (ружья); тех же из них, которые уклоняются от работы, воевода должен сыскать, а сыскав, бить вместо кнута батогами нещадно, и обязать всех круговой поруккой и записью „делать великого государя пищальное дело вместе“.

Взамен своей свободы, кузнецы получают кое-какие льготы. В том же 1665 году им разрешается продавать ружья частным лицам, а в 1678 году они награждаются привилегией безборочно иметь у себя в домах любое количество браги, пива и меда.

Борьба оружейной слободы с посадом продолжалась. Посадская община косо смотрела на выход трудолюбивой и зажиточной группы населения из под тягла и пользовалась всяким случаем, чтобы наложить на оружейников, те или иные повинности. Правительство, наоборот, указывало посадку на необходимость считаться с льготами кузнецов, потому что, в противном случае, „Великого Государя оружейному делу чинится мотчание и те пищали на указанные сроки не успевают“.

Впрочем не всегда в этом „мотчании“ были виноваты одни посадские. Кузнецы, пользуясь своей экстерриториальностью, нередко и сами старались избавиться от „государственной повинности“ пищального дела. Бывали случаи, что отдельные оружейники „из кузнечной слободы сбежав, жили на посаде“. Таких приказывалось сыскивать, учинять им наказание („бить батогами нещадно“), брать поручные записи и с ними препровождать вновь в слободу к кузнечному старосте.

В конце XVII века тульские казенные кузнецы получают право покупать железо и уголь раньше посадских ремесленников, и только то железо и уголь, которые останутся на рынке после кузнецов, могут быть проданы этим последним. Известные сорта железа, из которого приготавливались ружейные замки, было совершенно запрещено покупать посадским. Таким образом, казенные кузнецы становились господами железного рынка, и Тула начинала превращаться в город, где первенствующим классом становились оружейники. С другой стороны, правительство всемерно заботилось об увеличении численности „самопальщиков“: было приказано всех свободных ремесленников, занимающихся оружейным производством, переводить в кузнечную слободу и превращать в казенных кузнецов.

Но это привилегированное население Тулы есть в то же время и крепостное население. Над слободой устанавливается строгий надзор. Старостам предписывается следить за тем, чтобы среди кузнецов не было пьянства и разврата, чтобы в слободе не селились неизвестные пришьлые люди. Всех нанимаемых рабочих—подмастерьев следует строго спрашивать, откуда они, как появились в Туле, кто знает их в этом городе. Наконец в 1691 г. тульские казенные кузнецы прямо подчиняются судебной власти местного воеводы.

Эта мера вызывает сильное недовольство и оружейники начинают по всякому поводу писать жалобы в центр. В 1696 г., во главе со своим старостой Никитой Демидовым, кузнецы, жалуясь на „разорение и убытки“ чинимые местными приказными, уже прямо просят „велеть им по прежнему судиться и расправу ве-

даться на Москве в Оружейной Палате“. Просьба кузнецов исполняется, и их, за исключением разбоя и убийства, приказано ведать в судебном отношении Московской Оружейной Палате.

В том же году слобода кузнецов вступает в серьезное столкновение с посадом. За свою работу на казну (2000 ружей в год) тульские кузнецы получали ничтожную плату и должны были так или иначе добывать средства к жизни другим путем. Они, во-первых, продавали часть выделанного оружия частным лицам, а, во-вторых, заводили лавки и вели торговлю, подобно посадским. В качестве торговцев, кузнецы были обязаны, подобно прочим, платить пошлины и нести повинности, но, ссылаясь на свои льготы, они отказывались от того и другого. Мало того, оказывалось, что якобы одряхлевшие и слепые, а на самом деле неумевшие работать и зажиточные кузнецы нанимали за себя рабочих, исполнявших их урок казне, а сами преспокойно торговали на рынке, в то же время совершенно не желая знать посадского тягла. Правительство, как и всегда, приняло было сторону полезных ему оружейников и приказало „скорбных кузнецов“ оставить в покое, но посад раз'яснил в чем дело и определенно высказал свою точку зрения: кузнецам следует запретить торговать и лавки, которыми они владеют в рядах, переписать, оценить и продать посадским людям.

В ответ на это правительство согласилось, что кузнецы, занимающиеся торговлей, обязаны тянуть посадское тягло; в случае же отказа, к ним следует применить ту самую меру, которую предлагали посадские.

Проиграв дело, кузнецы решились серьезно отомстить посадку. Они напомнили правительству, что по смыслу всех предыдущих грамот, требовалось, чтобы кузнецы жили отдельной слободой и не смешивались с посадским населением. Поэтому кузнецы били челом о полном удалении всех посадских—торговых и ремесленных людей—из своей слободы: кузнецы хотят, чтобы все они были высланы из нее, а строение их снесено.

Эта, наносившая посадским тяжелый материальный ущерб, мера была приведена в исполнение. В Тулу были посланы из Москвы межевщики, которые отмежевали казенную кузнечную слободу от посадских дворов и „учинили драни“. Всем посадским было предписано сносить свои постройки и уходить из слободы, и предписание было исполнено столь быстро и сурово, что целые семьи остались без крова и скитались по родным и знакомым. Были попытки, после от'езда представителей центра вновь поселиться силою на насиженных местах, но попытки не привели ни к чему. Пробовали гонимые посадские повлиять на правительство, истолковав в свою пользу основную грамоту 1515 года, пробовали взывать к состраданию,—все осталось тщетным. Сурово и упорно кузнецы требовали осуществления своих прав и добились, наконец, того, что окончательное размежевание произошло: кузнецы с посада перешли в кузнечную слободу, а посадские были принуждены устроиться в новой посадской Петровской слободе.

Таким образом, кузнечная слобода ко времени Петра I получила свою окончательную организацию. Всех кузнецов насчитывалось до 200 человек (считая лишь мастеров-работников). Во главе их стоял выборный кузнечный староста, судивший кузнецов по более мелким делам и отвечавший за количество и исправность выделанного оружия. Тульские кузнецы поставляли ежегодно в казну по 2000 пищалей, при чем им платилось по 22 алтына и 2 деньги за пищаль (67 копеек). Пищали, или фузеи, посылались в Москву в Оружейную Палату, где их „пристреливали“ (пробовали); разорвавшиеся ружья отправлялись обратно в Тулу для определения по клеймам на них, кому из оружейников заварщиков принадлежат столь плохие стволы. Староста был обязан „тем заварщикам, которые стволы заваривали на плохом железе, учинять наказание на мирском дворе, бить батоги, чтобы впредь им всем, их братьям, на то смотря, так делать было неповадно; и учиня им наказание, те стволы на них доправить тотчас“.

Несмотря на правительственную характеристику кузнецов как „братьев“; последние рисуются нам однако далеко не однородной массой. Внутри самого класса оружейников началась экономическая дифференциация.

Из общего числа выделяются богатые мастера: Баташевы, Антуфьевы, Мосаловы и Ореховы. Эти мастера работали не только собственноручно, они имели уже нанятых подмастерьев из обедневших посадских людей и беглых крестьян. Ору-

жейные старосты выбирались из их числа. На их пожертвования в слободе выстраивались деревянные церкви: Георгия, Николы и Вознесения.

Недалеко было время когда из среды зажиточных оружейников должны были возникнуть исторические фамилии Тульских „металлургических королей“ XVIII века.

VIII.

Ничто не характеризует так значение оружейной промышленности в росте Тулы, как сравнение размеров и населенности города первой половины XVIII столетия с его размерами в конце XVII века. Теперь Тула окончательно теряет прежний крепостной характер. Кремль стоит запущенным: деревянные кровли и накатыв над стенами и башнями или гниют, или уничтожаются пожарами. Орудия удаляются со стен и сдаются в арсенал; гарнизон расформируется. Ров, окружавший кремль, понемногу засыпается землей, и торговые помещения облепляют стены. Дубовая крепость—острог приходит в крайнюю ветхость и растаскивается по бревнышку окрестными обывателями,—пока, наконец, в 1730 году его не разбирают окончательно. На месте разобранного острога быстро возникают дома и огороды, так что лишь с большим трудом можно найти на плане Тулы от второй половины XVIII столетия место, где некогда проходили срубы.

Население достигавшее к концу XVII века пяти тысяч человек, в 40-х годах XVIII столетия утроивается. Лучшим статистическим материалом по городу, из года в год отмечающим движение населения, являются, начиная с Петра, исповедные записи обывателей (контроль над отправлением православных обрядов). Открыв, напр., записи 1739 и 1740 годов, мы находим, что в 24 приходах Тулы состояло 2054 двора и почти 14000 жителей. Любопытно отметить распределение населения по приходам—этим естественным районам города, совпадавшим с слободами и группировавшихся около церквей. В приходе Успенского собора числилось 19 дворов и 100 прихожан; на городище, в Воскресенском приходе—53 двора и 340 прихожан; в Казанском приходе—79 дворов и 600 прихожан; в приходе Успенского женского монастыря—7 дворов и 150 прихожан; в Спасо-Преображенском приходе—92 двора и 700 прихожан; в Воздвиженском—64 двора и 360 прихожан; в Благовещенском—45 дворов и 300 прихожан; в Покровском—81 двор и 490 прихожан; в Сретенском—49 дворов и 300 прихожан; в Флоровском—161 двор и 800 прихожан; в Успенском—142 двора и 830 прихожан; в Ильинском—44 двора и 260 пр.; в Георгиевском на Ржавце—48 дворов и 260 пр.; в Николо-Завальском—70 дворов и 540 пр.; в Петропавловском—90 дворов с 600 пр.; в Никольском на Ржавце—58 дворов с 350 пр.; в Троицком—108 дворов с 600 пр.; в Никитском—28 дворов и 250 пр.; в Рождественском (в Чулкове)—85 дворов с 820 пр.; в Никольском Ямском—200 дворов с 1120 пр.; в Георгиевском (в Кузнечной слободе)—127 дворов и 1460 пр.; в Вознесенском—101 двор и 700 пр.; в Пречистенском—142 двора с 980 прихожанами.

Таким образом на долю городской части Тулы—по левую сторону Упы—приходится 1400 дворов и 8800 человек населения; на Зареченскую, Кузнечную или казенную слободу—570 дворов и 4250 человек и на Чулковскую—85 дворов с 823 жителями. Самые крупные дворы стояли в Чулкове—до 10 человек на двор; самыми малолюдными дворами являлись городские—6 человек на двор.

Среди населения Тулы 1740-х годов первое место занимали казенные оружейники, их насчитывалось более половины (55 проц.); далее шли посадские—торговцы и свободные ремесленники—33 проц.; на долю крестьян и дворовых падало 8 проц.; духовенство составляло 2½ проц.; приказные и военные только 1½ проц.

Перевес казенных кузнецов оружейников и посадских ясно показывает, что Тула XVIII века является по преимуществу центром казенного металлургического производства, около которого сосредоточивается обслуживающее его торгово-промышленное население. Росту торговли благоприятствовало и географическое положение города, находившегося на притоке Оки—Упе, верховья которой через Шат и Иван-озеро связывались с верховьями Дона. В 1697 году Петр I, желая создать водное сообщение Москвы с Азовом, велел очистить и углубить Иван-озеро и построить шлюзы по Дону, Шату и Упе. Над этими гидравлическими сооружениями работало 35000 крестьян и пленных шведов и 12000 войска. В 1707 году было

открыто, наконец, если не военное, то по крайней мере торговое судоходство, и весной одного этого года через Тулу прошло около 300 судов.

Рост оружейной промышленности в Туле стоял в тесной связи с военными предприятиями торгово-капиталистического государства XVIII века. При Петре выдвигается, в качестве поставщика на казну, способный и предприимчивый кузнец Никита Актуфьев, прозванный Демидовым. Пользуясь особенным расположением царя, Никита, уже и раньше бывший одним из зажиточных оружейников, постарался расширить свое предприятие. В 1701 году Демидову было позволено построить недалеко от впадения Тулицы в Упу вододействующий железный завод, для чего была сооружена длинная „Демидовская плотина“, существующая до сих пор. На заводе выделялись не уступавшие иностранным ружья и отливались пушечные снаряды. К заводу были приписаны: часть Щегловской засеки—для рубки дров; часть Малиновой засеки—для копания там руды и выжигания угля. Кроме того лично Демидову были подарены царем стрелецкие земли, лежавшие около Тулы, а в 1702 году он и его сын Акинфий получили в собственность знаменитые Уральские заводы на Нейве и Тагиле, которые положили начало богатству Демидовых, созданному невероятно жестокой эксплуатацией рабоче-крепостного труда.

Параллельно с ростом Демидовского завода идет и централизация оружейного производства в Туле: Петр запрещает частным лицам иметь плавильные печи в Тульском, Крапивенском и Алексинском уездах: домны должны сосредоточиваться в тульской кузнечной слободе. В 1705 году самый процесс работы тульских кузнецов, носивших кустарный характер, подчиняется государственному надзору: на месте бывшей земской больницы строится большой оружейный двор с 50 горнами, для заварки стволов, и рядом мастерских и амбаров. В 1706 году издается наказ, регламентирующий работу кузнецов, вводящий правильную отчетность и устанавливающий суровые (во вкусе Петра) телесные наказания для провинившихся. Староста по этому наказу **назначался** правительством, имел шесть помощников и пользовался значительной властью: жалобу на него можно было принести только особому подъячему тоже назначавшемуся из центра. В 1708 и следующих годах Петр ставит особых начальников над кузнечной слободой и оружейным производством в Туле, которые, сами находясь в вечном страхе пред царем, вводят среди оружейников суровую дисциплину и жестокие расправы, похваляясь „великим пристрастием“, с которым они, „зело понуждают кузнецов в деле и не только, что в день давая отдохнуть, но и ночью спать не давая“ (слова столыника и начальника слободы—Клементия Чулкова).

Наконец, в Туле строится государственный оружейный завод, создается первая ружейная мануфактура. Было найдено, что заводы Демидова при устье Тулицы не могут развить производство вследствие недостаточной мощи этой речки: приходилось запрудить самую Упу. С 1712 по 1714 год длились работы. Тулица, раньше впадавшая в Уду около самого городища, была отведена по искусственному руслу ниже, а около ее прежнего устья построили вододействующий завод, снабженный молотами и машинами дляковки и обточки стволов.

В те же 1712—1718 годы вместе с возрастающим заводом в центре Кузнечной слободы строился каменный „Оружейный двор“. Он являлся отделением ружейной мануфактуры, где должны были делаться всеми мастеровыми людьми безостановочно, мелкие части ружья, работа оружейников по домам должна была прекратиться. Двор имел 12 кузниц с 96 горнами, 12 мастерских, различные сараи и склады. Однако он оказался слишком малым, чтобы вместить всех оружейных мастеров с их подмастерьями и учениками, и воспользовавшись этим обстоятельством, кузнецы подали царю челобитую, с просьбой разрешить им работать по старому на дому. Просьба была удовлетворена и сосредоточение в центральной мастерской не осуществилось. Оружейный двор простояв без пользы двадцать пять или тридцать лет, был превращен в склад материалов и готового оружия—в будущий арсенал. Но, если не удалось превратить свободных мастеров в государственных фабричных, то выделка оружия все же стала вестись более интенсивно. В 1712 г. оружейники численностью до 1200 человек выполнили наряд в 15000 ружей, 2000 пистолетов и 1200 пик; в последующие годы наряды еще более росли. При этом, вследствие весьма слабо поставленного финансирования

завода, кузнецам нередко приходилось выполнять заказ на свои собственные деньги—в долг казне. Цены за изделия, платимые казной, оказывались слишком низкими в сравнении со стоимостью материалов. Все это в связи с неправильной расценкой работ и неравномерностью заработков тормозило работу.

Петр всемерно заботился об увеличении числа Тульских оружейников. Приказывалось набирать по губерниям кузнецов и принудительно переселять в Тулу в оружейную слободу. Всего за 1711—1716 годы было переселено до 255 человек, так что по ревизии 1724 г. оружейников и мастеров при них, положенных на подушный оклад, числилось уже 2309 человек. Завод, состоявший в 1708—1715 г.г. в ведении особых начальников, в 1715 году переходит в артиллерийский приказ, и во главе его становится знаменитый Яков Брюс, правивший до 1726 года. В это время Демидовы переносят центр тяжести своей деятельности на Урал, и казна остается крупнейшим предпринимателем в Туле.

Хаотичность в правах и обязанностях оружейников, в связи с сокращением войн вызывает необходимость пересмотра их положения и выработки более определенной инструкции по управлению заводом. В 1736 году оказалось, что значительная часть оружейников, о численности которых так заботились при Петре, сидит без дела, приписана к слободе случайно, или занимается торговлею, или работают на стороне. Новый штат определял число казенных кузнецов в 1688 человек: остальным разрешалось перейти в купечество и выставить за себя наемных мастеров. Зачисленным в оружейники давалась значительная по тому времени льгота: им разрешалось, взамен рекрутчины или платить денежные суммы в казну, или выставлять учеников, которых отдавать на обучение лучшим мастерам. Равным образом, было запрещено командировать оружейников в войска в качестве полковых мастеров. Для более регулярного снабжения завода дровами к нему кроме Тульских, были приписаны засеки Лихвинские, Перемышльские, Козельские и Одоевские, при чем каждая засека делилась на 25—30 участков для правильной ежегодной рубки. Одновременно к заводу прикреплялись 1000 человек из государственных крестьян, казаков, стрельцов и засечных сторожей. Таким образом прежнее стратегическое оберегание засек было преобразовано в правильную государственную эксплуатацию и лесных богатств. Наконец, для удешевления угля в Туле и для уничтожения на рынке железа дурного качества в Туле и Тульской провинции были уничтожены все частновладельческие домны и ручные кузницы. С подобной же целью в 1754 году были ликвидированы все частные железные заводы в районе 200 верст от Москвы, за исключением огромных и хорошо оборудованных заводов Демидова, Баташева и Мосолова (по Тулице и Оке). Однако эти последние обязывались производить материалы для казенного оружейного завода в Туле.

Несмотря на централизацию оружейного дела и разн. производства (1768—69 г.г. в Туле было приготовлено 41000 огнестрельного и 32000 холодного оружия) правительство, подчинившее оружейников суровому надзору казны, продолжало считаться с ними как с самостоятельной организацией. Наблюдение за заказами и уроками по прежнему лежало на выборном старосте и цеховых целовальниках приемщиках. Они разбирали мелкие тяжбы между оружейниками, в присутствии правительственного чиновника, на „мирском“ или „братском“ дворе на берегу Упы (рядом с бывшей Земской больницей). У оружейников имелся казенный лазарет и аптека, а с 1737 года шла длительная переписка правительства по вопросу о создании в оружейной слободе школы с общим и техническим образованием. Более того, в 1767 году в Москву был послан от оружейников депутат в комиссию для сочинения нового уложения с соответствующим наказом.

Екатерина II, любившая разыгрывать роль просвещенного деспота, интересовалась и тульскими оружейниками: как раз это были годы зарождения русского промышленного капитализма.

В 1775 г. императрица посетила Тулу и оружейный завод, а в 1782 году было издано положение об этом заводе. Наиболее важными пунктами положения являются: подчинение завода в хозяйственно-финансовом отношении Тульской Казенной Палате; учреждение выборной судебной ратуши из бургомистров и ратманов для суда между оружейниками; учреждение специально оружейничьих Словесного и Сиротского суда; внесение оружейной слободы в общий план Тулы

и подчинение ее в полицейском отношении Тульскому городничему; постройка при заводе богадельни и школы для оружейников; отпуск оружейникам для их частного производства 25000 пудов железа по казенной цене; разрешение оружейникам частных предприятий; образование ссудной суммы в размере 25000 рублей на случай пожара и других бедствий. В дополнение к положению предписывалось: превратить Чулкову слободу в поселение оружейников, при чем помещичьи земли, находившиеся в ней, отчуждались казной; далее, перевести ямщиков из оружейной слободы за Московскую и Киевскую заставы, и, наконец, переселить всех оружейников из городской части Тулы в их слободу, которая с Чулковым должна была образовать третью полицейскую часть города. В то же время зажиточным оружейникам позволялось вписываться в купцы I и II гильдии без платежа гильдейских повинностей. В 1785 году все оружейники были освобождены от уплаты подушной подати. В тех же 80-х годах XVIII века были перестроены заново оружейный завод; старый оружейный двор, превратился в существующий поныне Арсенал; на Демидовской плотине была построена галерея для пробы оружейных стволов, тоже уцелевшая до сих пор в своем первоначальном виде.

Таким образом, несмотря на юридическое закрепощение оружейнической массы за государством, большая экономическая свобода и ряд привилегий содействовали промышленному подъему оружейников. Около казенного предприятия идет накопление частных промышленных капиталов. Выделяются талантливые и предприимчивые инициаторы. В половине XVIII столетия рядом с Демидовым становятся Лугинины, Баташевы, Мосоловы, Ливенцовы и Красильниковы—строители железных заводов не только в Тульском краю, но и в других местах государства. В Туле они первые завели роскошные каменные палаты, настоящие дворцы, во вкусе XVIII века. Баташевы имели завод и дом на Тулице, в конце Нижне-Миллионной улицы. Их парк уцелел до сих пор и носит название Баташевского сада. Демидовы имели на оружейной стороне по правую сторону земской больницы, рядом с выстроенной Акинфием Демидовым церковью Николая, огромный и пышный дворец, выходивший фасадом на реку. Мосоловы построили свой дом по бывшей Миллионной улице недалеко от Георгиевской. Лугинины соорудили четырехэтажные палаты, существующие и поныне (здание бывшей классической гимназии); они были окружены многочисленными надворными постройками, занимавшими целый квартал. В 60-х годах XVIII столетия, Ливенцовы построили прочный и красивый дом с роскошными каменными воротами во вкусе рококо. Эти ворота уцелевшие и теперь (в Денисовском переулке) носят столько черт растралиевского вкуса, что не исключена возможность авторства этого великого архитектора. Во всяком случае они остаются памятником колоссального богатства и роскошных вкусов недавних казенных оружейников.

При Павле I произошли новые реформы в оружейном деле: ратуша заменена оружейным управлением и оружейным цеховым разрядом; завод получил собственную полицию и полицеймейстера. Во главе завода поставлен директор. Оружейников разделили на пять цехов: ствольный, замочный, белого оружия, приборный и ложевой. Первые три цеха распались на 20, а последние два на 10 артелей; при этом каждая артель должна была иметь выборного старшину из искуснейших мастеров. Новый порядок вызвал среди оружейников неудовольствие—он сводился к черезчур мелочному надзору за их работой, и три оружейника: Баташов, Федоров и Жданов заявили, что увеличение числа старост вызовет в ствольном цехе сокращение рабочих рук и уменьшение выхода оружия. Протест был раздут заводским начальством в дерзкий бунт: смельчаков взяли под караул и отправили на Сестрорецкие заводы, в центр было послано соответственное донесение, и Павел распорядился ввести в завод „для усмирения“ войска (Павел в это время как раз боролся с „гидрой революции“ в европейском масштабе!). Оружейники ответили челобитием царю, поданным через того же командира завода, и Павел не замедлил ответить, что оружейники связаны „жить смиреннее“, и что он никаких заявлений от имени целых обществ принимать не намерен. В начале XIX столетия новая организация оружейников устанавливала следующий порядок работ. В каждой из ствольных артелей работало по 30 мастеров, которые приготавливали в неделю 60 стволов; в замочных артелях 37 мастеров выделывали 60 замков; в приборных—20 мастеров приготавливали 120 приборов, и в ложевых—32 мастера „осаживали“

120 лож, работали местами сдельно. Заработок заварщика стволов достигал 290 рублей в год; кальщика пружин и вещей—250 рублей; ствольного токаря—200 р.; ложевого мастера—160 руб.; замочного ковщика—110 рублей. Самые низкие заработки имели молотобойцы, вырабатывавшие всего 50--70 р. в год. Чтобы составить понятие о действительной величине заработка, следует принять во внимание, что в 1800 году мука стоила 20 копеек пуд; кроме того, завод имел 80000 руб. капитала специально для покупки провианта, отпускаемого оружейникам по покупной цене, причем, если цена превышала 25 коп. за пуд, то излишек прямо покрывался казной.

В каждой цеховой артели при мастерах состояло по 4—6 учеников, учившихся ремеслу от 3 месяцев до 4 лет, смотря по трудности той или иной специальности. Мастера, обучавшие их, получали некоторый прибавочный процент к своей заработной плате.

Общее число оружейничьего населения Тулы в 1804 году достигало 5345 мужчин и 5558 женщин; кроме того, к заводу было приписано 3300 крестьян. В 1809 году у князя Нарышкина куплено 350 оружейников-крепостных с его Алексинских заводов и поселено на окраине Чулково, улицы которой долгое время спустя носили презрительное название „Нарышкиной слободы“, отражая вражду исконных оружейников к нежелательным присельникам.

Две с половиной тысячи оружейников мастеров с тремя сотнями учеников приготавливали в 1800 году 50000 штук огнестрельного и 105000 штук белого или холодного оружия. Кроме того „переправлялось“ 7000 штук первого и 18000 второго вида оружия. В эпоху борьбы с Наполеоном деятельность Тульских оружейников была особенно интенсивна. В первые годы Александровского царствования завод перестроили: соорудили каменную набережную и каменные здания правления, дома командиров, угольных магазинов, штамповальных корпусов и литейной. Был построен и трехэтажный корпус для паровой машины, так как оказывалось, что водяные двигатели, которые вообще работали с огромной затратой энергии, лишь не выгодны в том отношении, что обычно бездействовали три месяца в году (а то и более) вследствие половодья и причиняемых им повреждениям. 24-х сильная паровая машина была изготовлена в Петербурге, но ее установление сильно затормозилось, и она начала работать только в 1835 году.

Перестройка завода помогла приготовить огромное количество оружия за 1812—1814 годы. Каждый месяц выдвигалось 10000 новых и переправляли 3000 старых ружей; оружейники работали день и ночь поощряемые рескриптами и обещаниями правительства. К работе были привлечены и частные предприятия, поставившие 3000 ружей ежемесячно. По общим подсчетам за три года Тула выпустила более чем полмиллиона огнестрельного оружия. Наполеон хорошо понимал значение Тульского оружейного завода, когда собирался, после занятия Москвы идти на Тулу. Последняя находилась в сильной опасности, было приготовлено 600 подвод, чтобы перевезти в случае необходимости Тульских оружейников с их инструментами в Ижевск; Оружейники волновались в виду предстоящего переселения; начальство подумывало о мерах к установлению порядка в случае тревоги. Однако дело обошлось мирно и оружейники в общем „патриотическом“ порыве обманчиво надеясь на облегчение своего полу-крепостного состояния, продолжали с невероятными усилиями работу.

Однако облегчения не последовало: Александр по иному благодарил „усердных сынов отечества“. Посетив завод и Тулу в 1816 году, он наперед объявил через Аракчеева, чтобы оружейники „кои пожелают подать прошения монарху, подавали их через начальство, сами не становились на колени, не падали в землю, так как такая почесть принадлежит одному Богу“. Разумеется, после этого оружейники постарались припрятать свои прошения: они хорошо знали, что значит подавать их через начальство.

Правительство медленно, но неуклонно шло по пути все большего подчинения оружейников дисциплинарной власти заводского начальства. Рост машинного производства содействовал его централизации. Работа на дому сменялась переводом оружейников в заводские корпуса. В 1817 г. составляется проект на новую перестройку и расширение завода с тем расчетом, чтобы в нем могло поместиться 1600 человек оружейников. Проект предусматривал также широкое применение

паровых двигателей и машинного труда, обусловленное изобретениями известных заводских механиков—Джонса и Захава. Однако на практике времени ограничилось разработкой нового штата служащих и канцелярий. При этом выборное начало, представительство оружейников, было сильно стеснено. Все старшие лица завода становились чиновниками, чуждыми рабочим. Лишь для своих сословно-общественных дел оружейниками избирали шестьдесят человек „сотенных старшин“, из которых опять-таки **начальник завода** назначал должностных лиц—членов цехового разряда и членов словесного суда, управлявших денежными делами оружейников, разбиравших мелкие тяжбы и ведавших вопросами опекуинства. С другой стороны, положение 1823 года, вопреки положению 1787 года: совершенно отделяло оружейную слободу от города порядком в ней ведала особая заводская полиция, и захваченные в преступлении оружейники немедленно должны были предоставляться на завод.

Все оружейники попрежнему делились на цехи (ствольный—846 человек; замочный—808 ч. цех белого оружия -640 ч.; приборн.—270 ч. ложев.—451 ч. и „стальная артель“—49 чел.). Оставалось прежнее деление на артели. Надзиратели, или „браковщики“, помощники их и цеховые старосты уроков не имели; браковщики содержались заводом, старосты оружейным обществом. Материал и деньги мастера получали через артельных старшин, от цеховых старост; этим же последним они выдавались из казенных магазинов и заводского казначейства. Старшины и старосты вели всю отчетность, как в изготовленных изделиях, так и в выданных суммах. За целость материалов каждый цех отвечал круговой порукою. Чтобы можно было видеть, какому мастеру принадлежит та или иная часть ружья, за исправность которой он отвечал, мастера были обязаны ставить на сделанных вещах свои клейма.

Подсудные, как было сказано выше, в мелких домашних делах своему словесному суду и заводскому полицеймейстеру, оружейники могли апеллировать к оружейному правлению или, наконец, к севату. По крупным делам и уголовным преступлениям они судились военным судом. Переход в другие сословия оружейникам запрещался; отлучаться от завода или даже переменять место жительства в Туле (не говоря уже о выезде из нее) они не могли. Стеснялось также занятие свободным ремеслом, пока оружейник не выучится своему делу для которого он был рожден. Кастовый порядок существовал не только в целом сословии, он наблюдался и внутри отдельных цехов: обычно дети унаследовали занятие своего отца.

Самым тяжелым в жизни оружейников являлось телесное наказание, которому подвергало их заводское начальство за плохую работу, за невыполненный урок или просто предосудительное поведение. Устные рассказы о жестокости („лютости“) того или иного командира завода долго ходили в памяти. Особенно плохо приходилось оружейным старшинам и старостам, отвечавшим своей шкурой за неисправную работу по артели или цеху. Быть старостой являлось не почетной привилегией, а тяжелой повинностью, и так как в старосты выбирались люди грамотные то бывали случаи, что отцы принципиально не учили детей чтению, письму и счету, чтобы избавить их от „избрания“. Патриархальность взглядов и нравов, воззрение на себя как на богом установленных отцов и воспитателей рабочего люда, заставляло даже лучших и добрейших из заводских начальников прибегать к розге, и „любя“ сечь почетных отцов семейств...

Были у оружейников и свои привилегии, о которых отчасти уже говорили. Оружейники могли торговать своими изделиями, вступать в купеческие гильдии (оставаясь оружейником), иметь частные фабрики, выставляя за себя заместителей по заводской работе, пользоваться казенным железом по ценам казны. Они избавлялись от постоя и городских повинностей, от рекрутчины (почему техники из оружейников считались в Туле особенно выгодными) от всех податей и недоимок.

После пожаров или в случае бедности, оружейники получали даровой лес из казенных засек, в неурожай пользовались дешевой мукой и крупой из заводских запасных магазинов. Они имели свою пожарную команду (в Чулкове долгое время после стоял дом с сигнальным „колокольчиком“), свой госпиталь и аптеку, свою ланкостерскую школу для мальчиков. За заслуги по заводу или по казенным подрядам некоторые оружейники (напр. Лялины, Маликовы, Гольтяковы) получали серебряные и золотые медали и другие знаки отличия.

Положение 1823 г. просуществовало не изменяясь в существенных чертах до 1865 года. Жизнь должна была приспособляться к вышеизложенным юридическим нормам и укладывать в них свое пестрое содержание.

Экономическая дифференциация оружейников на пролетариев и капиталистов с которыми мы встречались уже в конце XVIII века продолжало углубляться. Беднота работала день и ночь, чаще всего даже в виде наемных мастеров у более крупных оружейников и еле сводила концы с концами. Тяжелые уроки, придирки и прихоти начальства (особенно тяжелыми являлись т. н. работы „по способу“ т. е. принудительное обучение на заводе усовершенствованному слесарному искусству, ничего кроме убытка не дававшему оружейнику), частые экзекуции розгами, сверхурочная работа по ночам, отбывание уроков за богатых оружейников, обсчитывание старостами при расчете, пьянство и разгул в свободное время—вот жизнь оружейнического пролетариата первой половины XIX столетия. В ином положении находились богатей. Самостоятельные предприятия, фабрики, торговля или поставки на казну; полное пренебрежение работой на завод (всегда можно было найти бедняка, готового за небольшую плату обработать урок), независимое положение по отношению к начальству; свобода от податей, повинностей и рекрутчины, широко используемая для наживы и округления капиталов—вот жизнь оружейников—богачей, застроивших „Миллионную“ улицу своими просторными красивыми домами, с каменными воротами и тяжеловесными засовами, и украсивших „казенную сторону“ богатыми церквями.

Среди этих оружейников предпринимателей следует отметить некоторые фамилии, еще хорошо известные тульским старожилам. Маликовы имели фабрику офицерских вещей и самоваров (их томпаковые самовары были известны по всей России и даже за-границей). Такими же фабриками прославились Лялины. Первыми мастерами по охотничьим ружьям являлись Гольтяковы. Часовым производством славилась Миловановы. Баташевы основали фабрику медных комнатных приборов. Математические инструменты изготовляли Коноваловы. Целый ряд других мастеров-художников (по большей части самоучек) прославился резьбой по дереву, художественной мебелью, особенно же миниатюрными изделиями из металла, ныне очень дорого ценимыми знатоками. Тула недаром славилась искусством своих мастеров: она была действительно центром труда и технической ловкости, вырабатываемой своего рода „естественным подбором“ и упражнением внутри замкнутой касты, где сын наследовал работу отца, чтобы в свою очередь передать их внуку. Однако, из всех отраслей промышленности ни одна так не привилась в Туле, не достигла столь массового характера, как выделка охотничьих ружей. Тульское кустарное ружейное производство—это прямое наследие домашней работы оружейников на завод. Уже в первой половине столетия выделка охотничьих ружей и число мастеров, продающих на сторону свои огнестрельные изделия были очень значительны. Тульские ружья и пистолеты стали классическими в литературе середины XIX века. Сначала отдельные мастера, специализированные благодаря работе на завод, изготовляли только отдельные части; потом понемногу росло объединение в одних руках разных отраслей ружейного дела, пока не вылилось в окончательную форму мелко-предпринимательского производства ружей ручным способом в многочисленных мастерских второй половины XIX и даже начала XX столетия. При этом в качестве характерного показания связи, существовавшей между работой на завод и последующей кустарно-ружейной промышленностью является „проба“ стволов кустарей-оружейников в пробной галлерее завода; стволы клеймились вплоть до истекшего десятилетия заводскими клеймами; да и самые эти стволы оружейные мастера по большей части покупали в качестве хлама, оставшиеся от старого вооружения на заводском арсенале.

X.

Доведя очерк истории оружейного дела и связанного с ним сословия казенных оружейников до эпохи эмансипации, мы должны, вернуться вновь к XVIII столетию и посмотреть как развивалась Тула и Тульский край в других отношениях. Нами уже было отмечено, что параллельно с ростом кузнечной слободы рос и тульский посад. Торговля и ремесла делали Тулу уже в середине XVIII века

одним из значительнейших городов государства. Мы видели, как росло и население тульских приходов, и на прилагаемой карте („Тула в 1770 году“) читатель может наглядно познакомиться с ростом тульских слобод, вытягивавшихся по направлению наиболее значительных торговых и проезжих дорог. Отметим напр., слободы по Крапивенской дороге (ныне Киевскому шоссе) и по дороге в Павшино—нынешние длинные Павшинские улицы. Тот же план чрезвычайно ярко рисует и самый характер роста Тулы (общий, впрочем, для всех старо-русских городов). Ни правильной сети улиц, ни прямых линий кварталов мы не видим; перед нами беспорядочная путаница прихотливо изгибающихся переулков, проездов и тупиков. Всякий строился как ему было удобно там, где удавалось наскоро укрепить болотистый и топкий тульский грунт. Домишки сменялись огородами, заборы чередовались с плетнями; в темные ночи грабители и поджигатели с полнейшей безнаказанностью могли обделывать свои „разбойные дела“. Все эти улицы были крайне узки (иногда до 2 сажен шириной) и непролазно грязны. Никаких мостовых еще не существовало,—разве только кое-где наскоро стлались хворостинные гати. Дома были маленькие, покосившиеся, крытые дранью и тесом, а по окраинам еще и соломой. Каменные здания были очень редки: они начали появляться только с половины XVIII столетия, и первыми из них были уже упоминавшиеся выше палаты Демидовых, Лугининых, Ливенцовых и других тульских заводчиков. В 1770 году в Туле насчитывалось всего 131 каменная постройка, из которых 33 приходилось на Оружейную сторону, 60 на район, прежнего посада и 29 на Павшинскую слободу. К началу XIX века число каменных зданий возросло почти вдвое, но все же число их даже в самых богатых кварталах достигло только трети общего числа построек.

Зато чрезвычайно быстро росли во второй половине XVIII века каменные церкви Тулы. О церквях Никольской, Георгиевской, Вознесенской и Пречистенской на Оружейной стороне и о церкви Рождества в Чулкове мы уже упоминали. Еще следует назвать церкви Успения (1720—33), Ильи Пророка (1739—60), Николы на Ржавце (1749—70), Воздвиженья (1759—1764), Успенский собор (1762—66) и его колокольню (1779), Георгия на Ржавце (1753—97), Флора и Лавра (1772—96), Сретения (1773—85) и Всех Святых (1776—98). Эти церкви являются зараз и памятниками роста богатства посадского купеческого населения и интересными документальными источниками для изучения истории провинциальной архитектуры в XVIII столетии. На них отразились, с сильным впрочем, запозданием, архитектурные моды столиц; и тульские церкви XVIII века являются отзвуками или так называемого стиля барокко (ранне московского и поздне-петербургского) или (особенно позднейшие, начиная с 80 г.) стиля переходного к классицизму. Внутренность этих церквей есть своего рода летопись богатых купеческих фамилий в Туле: по пожертвованиям, постройке приделов, росписям и иконостасам можно судить о росте капиталов и состояний.

Санитарное состояние города в XVIII веке, как и следовало ожидать, оставляло желать очень многого. Теснота, скученность и нечистоплотность населения шли навстречу общим нездоровым условиям жизни в городе, построенном на болоте. К этому присоединялся старый русский обычай хоронить покойников в центре города около церквей. Мы уже видели, что в XVII в. кладбище существовало, напр. около Казанской церкви, а при земляных работах конца XIX и начала XX в.в. лом и лопата не раз наталкивались на полусгнившие дубовые гроба-колоды и кости скелетов и около других церквей. Негигиеничность этого обычая как известно сильно сказалась во время чумы 1771 года, после чего было предписано вынести кладбище за городскую черту. Тогда возникли в Туле кладбища Всехсвятское, Спасское и Дмитриевское (в Городской и Оружейной частях и Чулковской слободе).

Нередки и опустожительны были Тульские пожары: таков, напр., пожар 1779 года, превративший в пепел богатейшую часть Оружейной слободы и пожар 1781 года, истребивший часть Городской стороны.

Пожары, разбой в лабиринте улиц и переулков и антисанитария—все это было типично не только для Тулы. Рост торговой буржуазии в XVIII веке заставляет правительство Екатерины серьезно заняться переустройством русских городов. В конце 80-х г.г. почти все крупные города (а вслед за ними и мелкие) подвер-

гаются так называемому генеральному межеванию. Создаются идеальные планы, с правильной сетью улиц, с рационально помещенными торговыми площадями и зданиями присутственных мест. Быть может, пожары 1779—1781 годов как раз дали возможность поспешить с переустройством Тулы. Город получил „высочайше утвержденный“ план, в общем близко подходящий к современному расположению улиц, вскоре началось переустройство прежнего осинового гнезда. Землемеры, ставя свои астролябии и разбивая новые улицы и площади, принимали во внимание лишь каменные постройки более зажиточных обывателей; простой народ безжалостно осуждался на снос своих домов, если они имели несчастье лежать на „апробованной“ правительством улице. В то же время „Управа Благочиния“ занималась разбивкой площади кварталов на прямоугольные усадьбы определенной меры, и взамен прежних многоугольных владений жители получали равновеликие участки по новому плану. В архиве Коммунального Отдела хранятся целые кипы дел, относящихся к этой безжалостной ломке домов и владений, повергавшей в отчаяние население и тянувшей целые десятки лет.

В то же время было обращено внимание и на архитектуру. Известно, с каким вниманием правительство Екатерины и особенно Александра I относилось к внешней красоте зданий. Ни одна не только общественная, но и частная постройка отныне не могли строиться без фасада „апробованного“ в центре или отвечающего положенной форме.

Внешнему облагораживанию Тулы в конце XVIII века способствовало превращение ее в губернский город.

Выше говорилось, что при Петре в 1708 году, когда были образованы первые обширные губернии, Тула являлась „провинциальным“ городом Московской губернии и имела шесть уездных городов: Алексин, Дедилов, Богородицк, Крапивну, Епифань и Венев (прочие уездные города входили в состав соседних „провинций“ или „губерний“). В качестве „провинциального“ города Тула управлялась „воеводой“. Так обстояло дело до Екатерины, когда в 1775—77 годах было произведено генеральное размежевание Тульской и соседних губерний. Превращенная в „наместничество“, Тула получила свои нынешние уезды и уездные города. Первым генерал-губернатором Тульского, Рязанского и Калужского наместничества был Кречетников, много обращавший внимания на декоративную сторону подчиненных городов.

Превращенная в наместничество, Тула получила целый ряд новых учреждений: Наместническое Правление, Палату Уголовного Суда, Палату Гражданского Суда, Казенную Палату, Верхний и Нижний Земские Суды, Суд Уездный, Городовой Магистрат и Городовой Сиротский Суд, Приказ общественного призрения, Советный суд, Верхнюю и Нижнюю и Расправу, Казначейство, Управу Благочиния, Дворянскую Опекунскую и Губернскую типографию. Один перечень этих учреждений показывает, что Тула должна была отныне стать центром губернской бюрократии и обзавелась целым рядом канцелярий. С этой целью по Киевской главной улице были построены здания присутственных мест—начиная от Киевской заставы и кончая почти Площадной улицей—те самые здания, большинство которых существуют и поныне.

В 1797 году тульское наместничество было преобразовано в губернию, а в 1799 году Тула стала епархиальным городом Тульской епархии. Коломенский епископ был переведен в Тулу и поселился в обширном здании во дворе предтеченского монастыря.

Таким образом к началу XIX столетия Тула стала тем самым губернским городом, каким застала ее великая русская революция 1917 года. Специфически тульская история кончает свое существование, т. к. в административном и социальном отношении Тула уже ничем не отличается от других губернских городов. Та же смена губернаторов, то же хозяйничанье и насилия полиции (учреждена в Туле в 1799 году), та же цензовая шестигласная Дума, делающая робкие попытки отстоять свою жалкую свободу от всемогущего вмешательства губернаторской руки, что и во всех губернских городах. Местное прошлое может быть интересно, пожалуй, лишь с бытовой стороны.

XI.

В начале XIX столетия Тула заключала около 4500 обывательских домов, разделенных по правильным кварталам улицами, все еще по прежнему грязными и топкими, укрепленными насыпями, снабженными канавами и мостками. Дома были „низенькие, светлые и приятные“ (как пишет один современник). Лучшими зданиями являлись: театр (существовал с 1777 г, воспитательный дом, смиренный дом и присутственные места (все это находилось в верхней части б. Киевской улицы). В 1780 х годах деревянный гостинный двор был заменен на купеческий счет существующими поныне каменными „Старыми рядами“. Вблизи его по Денисовскому переулку стояли владения именитых купцов Ливенцовых, часто бывавших городскими головами. В заречной оружейной части города был построен Баташевыми огромный дом (нынешняя больница), который был вскоре отдан казне и употреблен под военное училище (потом кадетский корпус). Около Киевской заставы помещалась заведенная в 1801 году гимназия. За Московской и Киевской заставами лежали слободы ямщиков. При въезде в город по Московской и Киевской улицами стояли деревянные триумфальные арки (в память посещения Тулы Екатерины в 1784 г.). Каменные дома (числом до 150) группировались главным образом по Миллионной и Киевской улицам, единственно мощеным. Вблизи Киевской заставы находился острог „готической архитектуры“. В городе имелось две аптеки и ботанический сад лекарственных растений. Всего в Туле считалось 300 каменных и 450 деревянных торговых помещений, группировавшая главным образом по базару и около стен кремля (где тянулись деревянные ряды с галлереей на колонках). Даже в башнях кремля (Спасской и Угольной к реке) были устроены мясная и овощная лавки. Около застав находились „герберги“—гостиницы для проезжающих, содержавшиеся купцами. Внутренность кремля по немногу была освобождена от загромождавших ее в XVII и даже в XVIII столетии построек и превращена в ровную площадь. Перед Одоевскими воротами со стороны б. Киевской улицы находилась гауптвахта. Главные улицы города освещались масляными фонарями. Через Упу вели два моста—„Красный“ (на месте нынешнего чугунного) и „Перекопный“ (или Кривой названный так потому, что он шел углом по срубам, защищавшим мост от ледохода). По улицам раз'езжали извозчики с номерами на плечах и стояли полицейские будки в виде домиков, с дремлющими около них часовыми с алебардами.

Мирно и тихо шла мелко-буржуазная и приказная жизнь Тулы, насчитывавшей в 20-х г.г. XIX века не более 30000 жителей. Оружейная слобода и Чулково жили особенной „казюцкой“ жизнью, время от времени выходя на кулачных боях померяться силой с городской стороной населявшими ее мещанами и купцами. Купцы медленно но верно наживали свои капиталы, ездили торговать на ярмарки, брали подряды на казну, время от времени туго „жертвовали“ Богу на церковь или еще не охотнее государству.*) В городе царил затишье, прерываемое криками калашников или мещанок, торговавших медом и мятной водой. Чиновники скрипели гусиными перьями в канцелярии; ремесленники слесарили по окраинам; в Гостинном Дворе зевали или разыгрывали бесконечные партии в шашки торговцы в кафтанах, чуйках и сюртуках. По большим праздникам ходили на гулянья: на Троицу за Чулково под Щегловскую засеку, на Петров день под Мясново. Костюм обывателей был еще чисто русский, женщинами носились сарафаны, телогрейки, „запаны“ с короткими рукавами, туго подтянутые под грудь, на голове кокошники с острыми загнутыми назад углами и кисейными покрывалами. Девушки покрывали голову особыми колпаками, любили сильно белиться и густо румянить щеки кружком. Мужчины стриглись в кружок и носили степенные кафтаны, подпоясанные шитыми поясами и поярковые шляпы, только в 40-х годах появляются картузы, немецкого образца.

Крупнейшим событием в жизни города являлись два пожара 1834 г. уничтожившие половину города. Первый пожар—29 июня—начавшийся у церкви Петра

*) В 1812 году тульским оружейникам и мещанам было заказано 5000 пар по цков, 100 000 гвоздей и 5000 пар сапогов. Пожертвовали купцы (с постоянным понуждением начальством) 200000 рублей (сумма в 7 раз превышавшая годовой бюджет Тульской Думы).

и Павла („Петровский пожар“), кончившийся у церкви Пречистой, истребил всю вторую и третью части города и старый оружейный завод. Второй—5 сентября, начавшийся в районе Воздвиженья и кончившийся у Николо-завальской церкви, уничтожил тоже около 800 домов. Это бедствие, разрушившее тысячи благосостояний и заставившее жителей в течение целого года тесниться в Чулкове и на окраинах, вызвало серьезные изменения во внешности города. Оружейный завод был построен заново, и получил тот род, который хранил вплоть до истекшего десятилетия. Лавки, окружавшие кремль, заменились бульваром—будущим кремлевским садом. В кремле была построена гауптвахта. Улицы, засыпанные мусором, повысили свой уровень.

В центре города исчезли красивые маленькие домики с колонками и мезонинами, сохранившиеся лишь кое-где на окраинах. Их место заняли все более и более увеличивавшиеся в размерах каменные дома с лавками и магазинами.

Тула вступала в новый период своего развития, недалеко было время окончательного преодоления торгового капитала промышленным; недалеко были годы 1861 и 1865 г. когда и Тульские крестьяне и Тульские оружейники из крепостных стали „свободными“ и послужили материалом для образования Тульского промышленного пролетариата. Но этот период времени требует уже не только популярного очерка:—он нуждается еще в предварительной разработке архивных материалов, время и возможность для чего только что наступают.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ и ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

имеется в экспедиции журнала „НОВЫЙ ПУТЬ“ в количестве около 300 экземпляров, который может быть продан оптом по цене 35 коп. золот. за 1 экз., при коллективной подписке не менее 10 экз. по 40 к. зол. за 1 экз. и в розничной продаже по 50 к. зол. за 1 экз.

Словарь может быть выслан также наложенным платежом.

Брошюра Б. ГОЛЬДЕНБЛАТА РАЗБОР КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ

вышла из печати и поступила в продажу по цене 5 к. зол. за 1 экземпляр.
При коллективной подписке не менее 25 экземпляров скидка 20%.

**Каждый рабочий должен знать кодекс законов о труде
и иметь данную брошюру.**

В г. Туле с 1 декабря 1921 г. издается под редакцией А. М. РАССАДНЕВА
ежемесячный экономический, научно-технический и профессионал. журнал

≡ НОВЫЙ ПУТЬ ≡

Орган Тульских Губэкономсовещания, Губсоюз Потребительских Обществ и Губпрофсовета.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) общие вопросы хозяйственного и советского строительства, 2) финансы, 3) торговля, 4) промышленность, 5) сельское и лесное хозяйство, 6) топливо, 7) коммунальное хозяйство, 8) контроль, 9) советское законодательство, 10) народное образование 11) народное здравоохранение, 12) кооперация всех видов, 13) труд и профессиональное движение, 14) библиография.

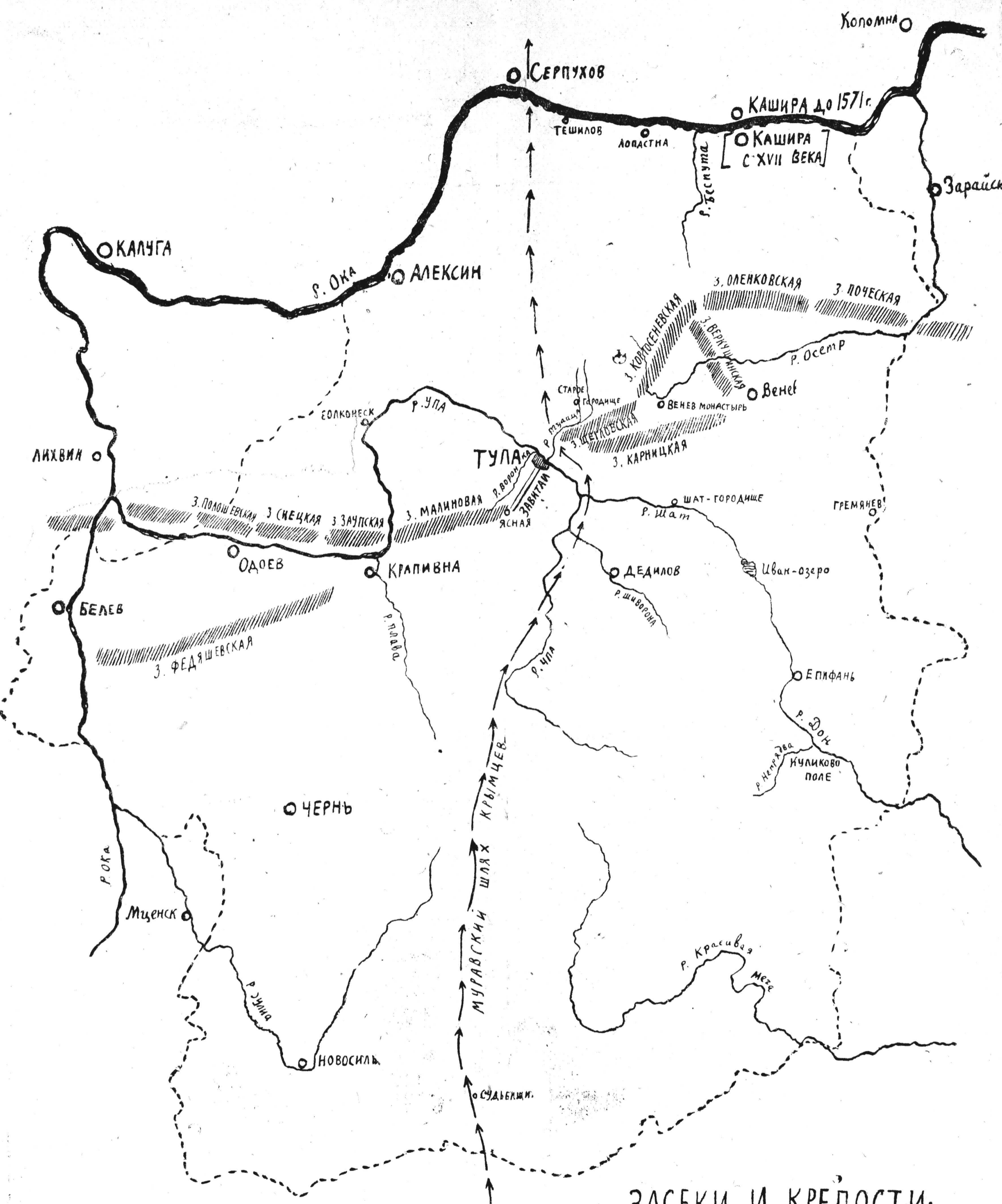
В журнале имеется отдел «НАУКА и ТЕХНИКА». — Журнал имеет большую хронику и справочный отдел по всем вопросам.

В журнале принимают участие лучшие местные силы: ЭКОНОМИСТЫ-ХОЗЯЙСТВЕННИКИ, ИНЖЕНЕРЫ, ВРАЧИ, АГРОНОМЫ, СОВЕТСКИЕ, КООПЕРАТИВНЫЕ и ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ и прочие деятели.

Подписная цена на 1 месяц — 40 коп. в золотой валюте.

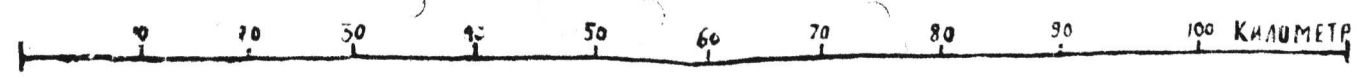
ДЛЯ РАБОЧИХ, СЛУЖАЩИХ и ТЕХНИЧЕСК. ПЕРСОНАЛА ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:
на 1 месяц — 20 коп. в золотой валюте.

Адрес редакции, конторы и экспедиции: Тула, ул. Коммунаров, здание Губисполкома, комната № 13, телефон № 3-18.

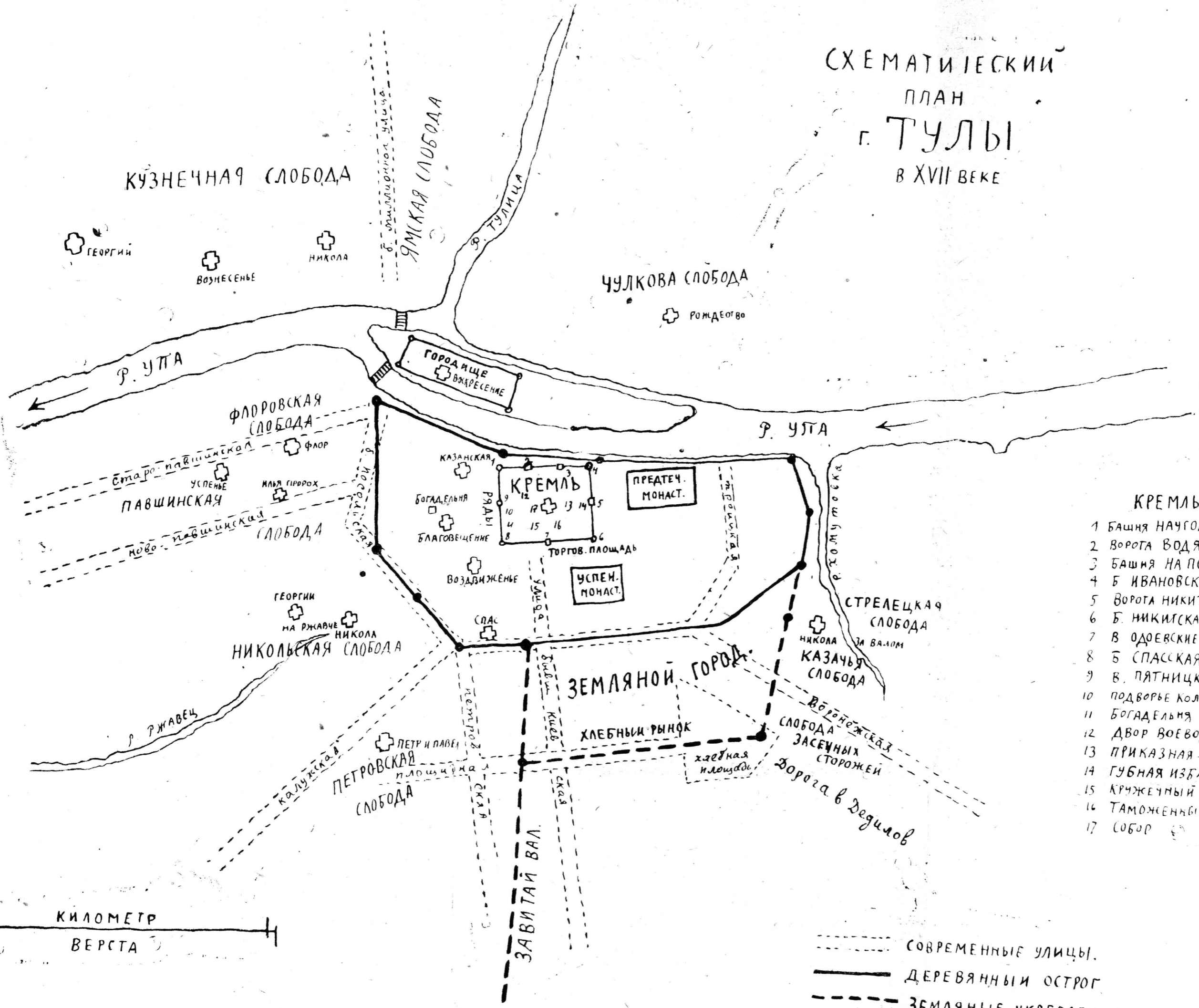

ЗАСЕКИ И КРЕПОСТИ.
XVI ВЕКА

////// ЗАСЕКИ
----- ГРАНИЦА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

СХЕМАТИЧЕСКИЙ
ПЛАН
г. ТУЛЫ
В XVII ВЕКЕ

КРЕМЛЬ

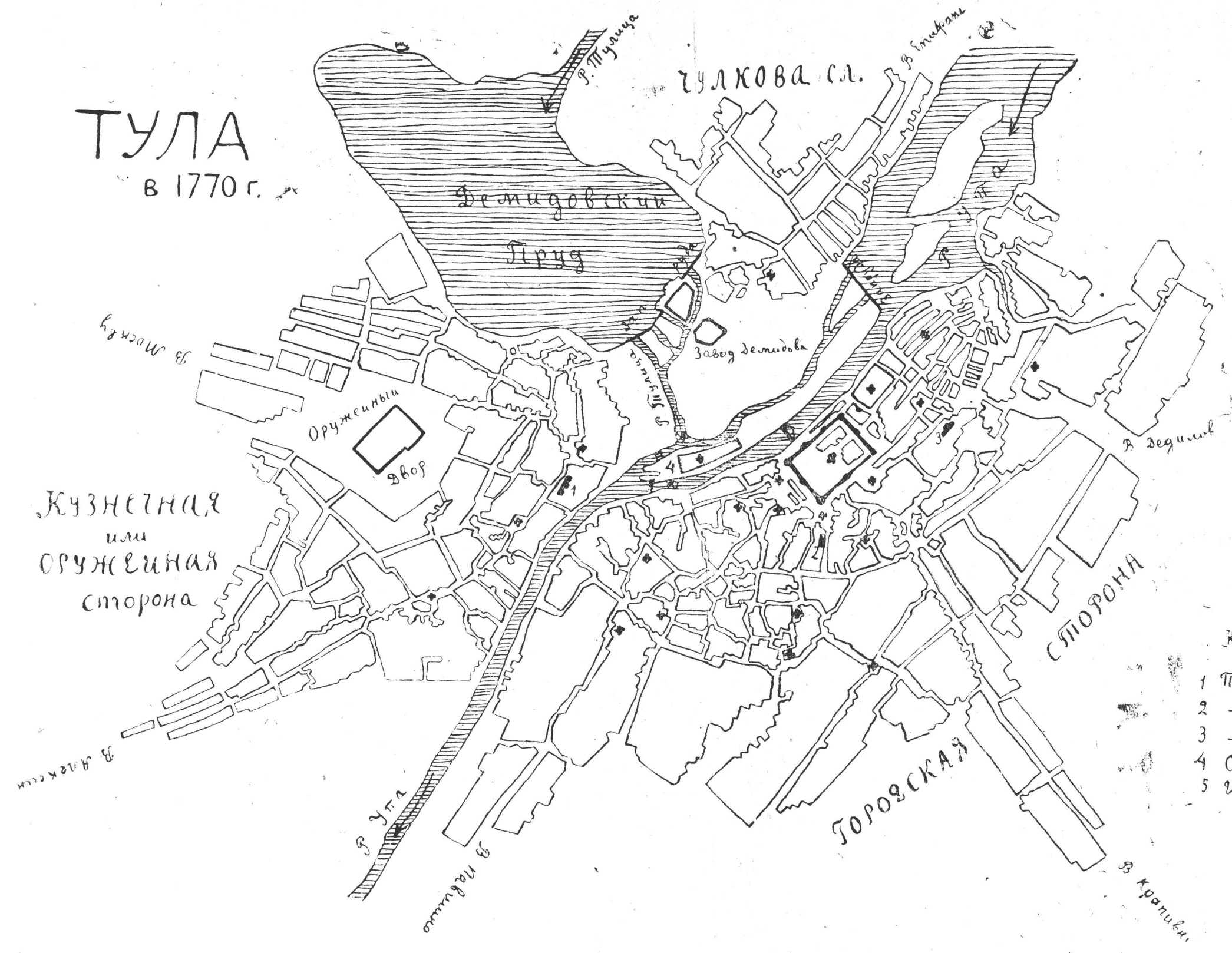
- 1 Башня наугольная
- 2 Ворота водяные
- 3 Башня на погребу
- 4 Б. Ивановская-Тайничкая
- 5 Ворота никитские
- 6 Б. никитская
- 7 В. одоевские
- 8 Б. спасская
- 9 В. пятницкие
- 10 Подворье коламенского архиепископа
- 11 Богадельня
- 12 Двор воеводы
- 13 Приказная изба
- 14 Губная изба
- 15 Кружечный двор
- 16 Таможенный двор
- 17 Собор

КИЛОМЕТР
ВЕРСТА

--- СОВРЕМЕННЫЕ УЛИЦЫ.
— ДЕРЕВЯННЫЙ ОСТРОГ
- - - ЗЕМЛЯНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ
+ ЦЕРКВИ.

ТУЛА

в 1770 г.

ЖУЗНЕГНАЯ
или
ОРУЖЕЙНАЯ
сторона

- Католические церкви
- 1 Палаты Демидовых
 - 2 — Ливецких
 - 3 — Лукиных
 - 4 Оружейный завод
 - 5 Школа Завода